

ИРИНА ДЕГТЯРЕВА

ОПЕРАЦИЯ «ПИЛОТ»

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК СОТРУДНИКИ ГУР МО УКРАИНЫ
ПЫТАЛИСЬ ЗАВЕРБОВАТЬ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ

Битвы спецслужб. Романы о военной контрразведке

Ирина Дегтярева

Операция «Пилот»

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дегтярева И. В.

Операция «Пилот» / И. В. Дегтярева — «Эксмо»,
2024 — (Битвы спецслужб. Романы о военной контрразведке)

ISBN 978-5-04-199403-7

Роман основан на реальных событиях. Британская разведка МІ6 совместно с Главным управлением разведки министерства обороны Украины разработали блестящую (по их мнению) операцию по вербовке российских военных летчиков. Сотрудники украинских спецслужб через соцсети тайно вышли на пилотов и предложили им перебраться на территорию Украины Су-24, Су-34 и Ту-22М3. В награду за предательство посулили пару миллионов долларов и гражданство одной из европейских стран им и их семьям. Летчики «дали согласие». На самом же деле в тонкую и опасную игру вместе с ними вступили настоящие профессионалы из военной контрразведки ФСБ России. Началось невидимое, зыбкое и крайне рискованное противостояние сильнейших спецслужб мира... Военный писатель и журналист Ирина Дегтярева, хорошо знакомая со спецификой работы военной контрразведки, написала роман на основе реальных и не известных ранее фактов об этом нашумевшем деле, с достоверными деталями, демонстрирующими тонкости и хитросплетения игры, проведенной ФСБ.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199403-7

© Дегтярева И. В., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Владимировна Дегтярева

Операция «Пилот»

© Дегтярева И.В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая

Февраль – март 2022 года, Украина

В последнее время утро не приносило хороших вестей. Игорь с тревогой засыпал и с тревогой просыпался. Хватал с тумбочки мобильный телефон и просматривал сообщения. Сегодняшний рассвет не стал приятным исключением.

Солнце искоса заглянуло в комнату, заполняя лучами в прорези жалюзи, как в амбразуры, напоминая, что все они теперь на боевом положении, все они чрезвычайно смертны. Экран не выключенного на ночь ноутбука светился бледно, ожив от пришедшего сообщения: «Встреча на Рыбальском через час».

Сквозь полосы светотени по письменному столу прошелся кот, мягко, бесшумно, серая шерсть его искрилась, попадая в лучи света, и картина эта казалась сюрреалистичной. Последний месяц Игорю все виделось нереальным. Он был не против авантур, но чтобы они гарантированно сулили успех.

С бывшими вагнеровцами вышло весьма неплохо, почти победа. Почти... Тогда еще Бурба руководил ГУР МОУ¹. После этой «победы» его и сняли.

Заманили русских наемников в Беларусь, а белорусы сыграли нужную ноту в партии ГУР МОУ, арестовав всю группу, якобы направляющуюся в Венесуэлу охранять нефтяные прииски. Устроили, конечно, массу проблем русским, и все же Игорь старался стереть из памяти ту нелюбезную информацию, какую узнал позже по агентурным каналам.

Оказалось, что российская контрразведка была более чем осведомлена и настойчиво предупреждала чевэкашников не участвовать в этой истории, установив, что 5-е Управление СБУ, созданное чернушниками, вместе с украинской военной разведкой взялось за вагнеровцев всерьез.

Наемники активно участвовали в обороне Донбасса в 2014–2015 годах и очень заинтересовали Центральное разведывательное управление: из американского посольства на Украине поступило указание схватить их любой ценой, работали тесно с Тимоти – сотрудником резидентуры ЦРУ. Американцы подозревали, что эти ребята уж слишком профессиональные для рядовых наемников, а потому спали и видели, как их допросят с пристрастием и выявят их тесную взаимосвязь с ФСБ или, быть может, с ГРУ.

И номера телефонов вагнеровцев СБУ и военная разведка узнали, и подставным звонкам наемники поверили, соблазнились деньгами и прекрасными условиями. Патоку лили им в уши профессионально. Наемники стронулись с места. В Беларуси уже, правда, заподозрили, что предупреждения фээсбэшников не были пустой болтовней. Даже билеты в Стамбул из Минска сдали, собираясь вернуться домой. Но тут их белорусы и накрыли, после того, конечно, как им нажужжали в уши по поводу «истинных» намерений наемников, стремившихся учинить беспорядки в Беларуси и организовать государственный переворот. И все же не дали тогда «музыкантов» за горло поддержать. А жаль! Договорились русские с белорусами. Убедили. Подобрали аргументы...

«А наши не нашли ничего лучше, чем откреститься от проведенной операции», – вспомнил Игорь выступление в прессе нового шефа ГУР – молодого выскочки, за которым тянулся шлейф неудач. Молодой да ранний. В 2016 году командир диверсионной группы, действовавшей настолько топорно, что до военного аэродрома в Армянске, где собирались устроить диверсию, боевики просто-напросто не добрались, сорвали операцию в Крыму. Теперь он, видите ли, начальник.

¹ ГУР МОУ – Главное управление разведки Министерства обороны Украины.

С кислым выражением лица Игорь покачал головой, усевшись на кровати и несколько раз проведя ладонью по короткому ежику русых волос, подумал обреченно, что с «неудачником», как за глаза все зовут молодого шефа ГУР, они далеко не уедут. Да и в огромной машине с надписью на боку «Незалежна», которую тащит юзом по льду, не особо имеет значение, в багажнике ли ты, на заднем сиденье, за рулем или прицепился за бампер. Все одно – впереди бетонная стена...

«Встреча через час». Игорь спустил ноги на прохладный паркетный пол. Ехать не хотелось. Энтузиазм первых мгновений войны с каждым днем угасал так же, как сейчас потускнело солнце, яркое, почти весеннее, но все еще временами заваливающееся за толстобрюхие тучные облака, наползающие с Днепра и проливающиеся дождем со снегом над Крещатиком.

Проспект за окном стоял уже в пробках, в сизой дымке, как, наверное, сейчас стоит и Москва. Только там пока снег... Две столицы живут своей обычной жизнью, все зарабатывают на хлеб насущный, спешат на работу, разве что, слушая новости, каждый верит в свое.

Сообщение от Руслана. А значит, их вчерашний разговор и предположения начинают обретать плоть. Снова приедет этот тип из МИБ и начнет компостировать мозги. Планы он строит великолепные, если их не приближать к реальности. А приближать их придется им с Русланом.

До сих пор удавалось избегать участия в авантюрах англичан, потому Игорь и торчал, как пришитый, в Старичах.

По идее, он уже давно должен был быть на службе, однако вчера еще находился во Львове, часть дня и половину ночи провел за рулем. Подолгу стоял на железнодорожных переездах, глядя на череду тяжелых поездов, везущих закрытую чехлами технику на фронт. В полной темноте составы с грохотом проносились мимо небольшого полустанка, как мрачные тени. Освещенное голубоватым светом, исходящим от приборной доски, его лицо, бледное и небритое, отражалось в ветровом стекле; покачивалась под зеркалом заднего вида пятючка Богоматери из Почаевской лавры, обрамленная золотистой тесемкой и голубым шелком.

Под глухой стук колес, сотрясавших землю и машину, он вспоминал, как ездил в Почаев – белоснежный монастырь, хранящий мощи Иова и Амфилохия в пещерном храме, чудотворную икону Божьей Матери, целебный источник на том месте, где, по преданию, оставила след Богоматерь, мозаики Рериха на стенах Троицкого собора.

На рассвете Свято-Успенский собор выглядел серым, но купола уже сияли, тронутые солнцем; с монастырской горы виднелся Новый Почаев с влажными от росы крышами. Видимость была необыкновенная, казалось, можно разглядеть даже герани на окошках домов там, внизу. Огромные старые темно-зеленые туи, посаженные здесь давным-давно монахами, таили скамьи под своими ветвями, аккуратно выстриженными в форме арок. Там уединенно можно было посидеть и помолиться... Там был покой и мир. Тогда еще Марьяна не уехала в Польшу, тогда еще сын был не колючим подростком, а любознательным мальчишкой, ласковым и послушным, тогда не было войны и той безысходности, которая накрыла Игоря, особенно в последний год.

Уехать из страны Игорь не мог. Многим из его коллег, которые намылились было ехать, намекнули в почти приватной беседе в СБУ, что, если им и удастся выбраться за границу, их найдут и вернут, возможно, в несколько несвежем, некондиционном виде.

Игорь не сомневался, что достанут. В прошлом году легко вытащили из Молдовы украинского судью, решавшего дела по отмашке Порошенко. Молдавская СИБ², конечно, поспособствовала, хотя, само собой, отрицала участие в похищении. Схватили, бросили в багажник дипломатической машины, беспрепятственно переправили через границу... А СИБ якобы не при делах.

² СИБ – Служба информации и безопасности Республики Молдова.

Вернули силовым способом не только судью, и не только из Молдовы, были и другие, ставшие неугодными власти, кто предал или оказался слишком осведомленным. Игорь об этом хорошо знал. А уж с коллегами из военной разведки они церемониться не станут. Между управлениями всегда традиционно существовали контры. Военная контрразведка СБУ курирует... пытается курировать военную разведку, а потому считает себя выше по статусу, отсюда и снисходительное отношение к офицерам разведки.

В дороге за рулем Игорю всегда хорошо думалось. Последнее время ездить приходилось много, не только к линии соприкосновения и в воинские части, где готовили пополнение, на военные аэродромы, уцелевшие после первых февральских бомбежек, но чаще всего в Старичи, на Яворовский военный полигон. Особенно когда наклюнулся интересный контакт с арабом.

Инструкторы из НАТО прибыли под Харьков давно, Игорь с ними работал по прямому распоряжению начальника отдела Тарасова.

Теперь так. Без лишних бумаг, без лишних следов, которые отслеживают натовские наблюдатели, торчащие и в СБУ, и в ГУР. Не то чтобы кто-то из военной разведки откровенно норовил вести свою линию работы, но некоторые офицеры в руководстве считали необходимым придерживаться кое-что для себя, так сказать, для души. Присланными НАТО инструкторами занимались как раз таки «для души». Беседы с ними позволяли понять в том числе и намерения «союзников» в отношении Украины.

Впрочем, присылали такой разношерстный сброд, что становилось ясно – командировали их сюда по принципу: дай им, Боже, что нам не гоже. Единственное утешение – многие инструкторы подолгу бывали в Сирии, прежде чем перекочевали на Украину, неплохо знают, как там действовали русские, их тактику.

Среди инструкторов были сотрудники ЦРУ и МИБ, они доложили в Центр своему руководству, что вокруг них наворачивает круги сотрудник ГУР майор Игорь Стремнин. «Перенимаем опыт и занимаемся подготовкой кадров среди военнослужащих», – именно так объяснили в Управлении западным кураторам интерес майора, когда возникли вопросы.

Начальник Игоря кипятился, возмущался, что иностранные спецы везде суют нос и даже не стесняются задавать вопросы о том, куда и зачем ездит офицер украинской военной разведки на территории Украины. Сам Игорь стал подумывать, что, привлекая к своей персоне внимание МИБ и других спецслужб, орудовавших открыто в Киеве, он сможет в конечном счете получить шанс на то, что к нему сделают пусть и робкий, но вербовочный подход, а тогда уже можно рассчитывать на серьезное сотрудничество. Надежды на перспективы в родном ГУР таяли с каждым днем.

При таком раскладе, может, и удалось бы уехать за границу. Но довольно быстро все эти наивные мечты Игорь откинул. Сам прекрасно понимал, как работают спецслужбы. Подцепят человека, заинтересовавшего их, выжмут до костей, в лучшем случае заплатят, а претендовать на то, что вывезут за рубеж и создадут там условия, да с семьей, не приходится, это вряд ли. Если только обнаружат после отжима, что кости у него платиновые и еще есть чем поживиться.

Инструкторами должны были, по идее, заниматься контрразведчики. Сугубо их работа: копаться в грязном белье этих бывших американских, английских, французских офицеров, да и обычных наемников, слишком опытных, чтобы погибнуть в какой-нибудь из заварушек, в которых они участвовали за годы бурной жизни, и потому обративших на себя внимание одной из западных спецслужб и привлеченных для более серьезной работы в качестве инструкторов.

Однако в сложившейся обстановке такая контрразведывательная работа теряла смысл. Никаких опасений, что наемники попытаются вести разведывательную работу на территории Украины, не имелось. О чем речь, если и церэушники, и парни из МИБ беспрепятственно ходят по кабинетам СБУ и шастают по Рыбальскому острову! О соблюдении секретности вообще не шел разговор, они фактически руководят украинскими спецслужбами. И считается, что их

«помощь» надо воспринимать как благо. Им улыбаются, заискивающе жмут руку и кивают, готовые выполнить все указания. Однако стоит выйти «помощникам» за порог кабинета хоть на Рыбальском, хоть на Владимирской, раздаётся такой отборный мат и комментарии, которые вряд ли понравились бы заморским коллегам. И все равно указания натовских спецов исполняются. Не бегом, через пень колоду, но отчеты руководству поступают исправно... Правда, по дороге выделенные ассигнования на каждую конкретную спецоперацию частично тают, но в детали вроде бы никто не вникает. Хотя аресты происходят то тут, то там. Связаны они с утечкой финансов или с всеобщей подозрительностью – неясно.

Киев в последнее время все больше напоминал Игорю школу его детства в июне, когда сданы экзамены, – пустые коридоры, салатовые шторы хлопают от сквозняков, и уже прозвенел последний звонок... Когда приходили сдавать учебники и шутили с приятелем: «Все ушли на фронт».

– Все ушли на фронт, – повторил негромко Игорь, глядя на очередной эшелон, тяжело сотрясавший землю, и старый домик дежурного по станции.

Никаких официальных полномочий расспрашивать, а уж тем более допрашивать инструкторов Игорь не получал. Беседовал с бойцами, которых отбирал для отправки в тыл врага для создания диверсионных групп и решения задач зафронтной разведки. А в оставшееся время брался за тех инструкторов, кто шел на контакт. Угощал водкой, виски, сигаретами, привозил консервы – чтобы не с пустыми руками, а за столом можно и потрепаться о самом разном. Обсудить подруг, жен, которые имеются у наемников, баб, скрашивавших армейский быт тут, в Старичах.

Полигон создавали по натовскому образцу, но внутри казарм и в столовой все равно пахло советской учебкой. И шторы в столовке розоватые, присборенные, и плац в трещинах, и ворота серые, унылые на въезде... Разве что герб на них украинский – жовто-блакитный, а не советский. И порядки здесь жесткие, хотя для инструкторов – вольница. Им никто не осмелится сделать замечание.

Две недели назад Игорь, поработав индивидуально с десятком бойцов, уже принявших присягу, направился к инструкторам. Угостить, потрепаться. Как обычно. Приучал их к своим визитам постепенно, как делают с необъезженными лошадьми. Сперва на них ложатся поперек крупа, чтобы конь не увидел всадника, даже скосив глаза, чтобы обвыкся с весом человека, затем садятся, но пригнувшись. Все делают очень медленно, прежде чем пришпорить и пустить в галоп.

Он шел к общежитию, где разместились инструкторы, все еще погруженный в мысли о недавних беседах с парнями, прибывшими позавчера из Ровно. С каждым Игорь разговаривал наедине в «ленинской комнате» (иначе назвать это рекреационное помещение с ворохом зачитанных журналов и газет на полированном столике язык не поворачивался). Пара бойцов явно представляла вербовочный интерес. Служили срочную в спецназе, один неплохо знал английский, другой – французский. Замотивированные, патриотичные, но без фанатизма, все в них в меру: цинизма и здравого смысла.

«В куче кизяка блеснула жемчужина», – пересекая плац, зеркально отражавший небо после недавнего дождя, радовался Игорь и тому малому, что теперь приносила работа.

На деревьях в аллее за плацем багряно краснели тонкие ветки, наливавшиеся весенними соками, и воздух был пронзительным, с тонкой примесью соляных выхлопов, долетавших сюда с полигона, где шли занятия. Били по барабанным перепонкам отдаленные взрывы, позвякивали окна в общежитии, куда он зашел.

Не все в этот час были заняты работой с молодняком. Некоторые наемники сами только прибыли. В коридоре валялись армейские рюкзаки, набитые до предела. К привычным запахам казармы: пота, кожи, резины (от небольшого спортзала с прорезиненным полом), оружейной смазки, уайт-спирита, табака – примешивался сладковатый дымок марихуаны. Им всё позво-

ляют. Он не удивился бы, что и марихуану кто-нибудь из полигонного руководства самолично подвозит.

Где-то в конце коридора бубнил телевизор по-английски. Слышалась польская и французская речь. В отдалении вскрикивала женщина. И так все было буднично, между делом, что Игорь едва сдержался, чтобы не плюнуть от досады.

Сидящий в коридоре на широком подоконнике высокий очень смуглый мужчина в потертом камуфляже с дымящейся сигаретой, зажатой в уголке рта, глазом не повел на проходившего мимо Игоря. Поставив одну ногу на подоконник, смотрел в окно.

– Привет! – сказал Игорь по-английски. – Новенький?

Незнакомец обернулся, продемонстрировав худощавое мрачное лицо с голубыми глазами, и кивнул. При его угрюмости это выглядело, как ни странно, приветливо.

– Игорь. – Разведчик протянул руку и ощутил очень крепкое рукопожатие.

– Кабир. Вчера прибыл из Польши.

Игорь приезжал сюда в натовском камуфляже, поскольку не хотел бросаться в глаза, одевшись по гражданке, поэтому Кабир разговаривал с ним как со своим.

– Ты же не поляк, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Игорь. – Твой акцент... Ты араб?

– Араб, – покладисто кивнул Кабир. – Что тут, заварушка намечается? Парни говорят, что нас тоже на передовую могут в любой момент кинуть.

– Дрейфишь? – подначил его разведчик.

– В Эр-Ракке за собой такого не замечал. И, как видишь, жив еще. А ты где отметился на земном шарике?

– Да я местный, – сознался Игорь. Крутить не имело смысла. Но и все карты раскрывать, естественно, не собирался. Пускай араб думает, что он один из украинских вояк. Думать так ему долго не придется, другие инструкторы просветят, предупредят, что стоит держать язык за зубами. Все зависит от того, насколько тесно связан араб со спецслужбами и какими конкретно. Вероятнее всего, турецкая МИТ или английская МИ6 и ЦРУ, они больше всего с арабами работают. Не все инструкторы аффилированы с той или иной службой, однако что-то подсказывало, что Кабир аффилирован.

Игоря мороз продирал по коже рядом с этим типом. Так могло быть от предчувствия удачи или большой опасности. Он даже передумал идти в каптерку окучивать остальных инструкторов, все разговоры которых записывал и позже анализировал каждое слово, а собрался взять быка за рога здесь и сейчас. Завтра уже может быть поздно.

– Водку уважаешь? Или ты радикальный мусульманин?

– Очень радикальный, но водку уважаю, – ухмыльнулся Кабир. – Пошли ко мне. Я в комнате пока один.

Почему с этим типом никто не заселился, Игорь догадался через полчаса, когда у него заболела голова от непрерывного курения араба. Игорь и сам курил изредка, но арабский табачник его одолел своим турецким крепким табачком, который закупил в огромных количествах в Сирии.

Позже Игорь узнал, что на Украину Кабир Салим прибыл по иракскому паспорту. Из сирийского Идлиба транзитом через Болгарию в Польшу, а затем уже во Львов. Игорю пришлось делать запрос в погранслужбу, хоть и не совсем официально.

Теперь многое проводилось в обход привычных служебных каналов, использовались давно наработанные связи, и они казались более надежными. Обращался обычно к тем, кому доверял, кто не сливал информацию о подобных запросах кому угодно – представителям западных спецслужб, эсбэушникам, российским спецслужбам.

Запись разговора с арабом Игорь дал послушать их арабисту, вернее, выжимки. Те отрывки, где Кабир говорил по-арабски. Он пил и не пьянел, степень повысившегося градуса

алкоголя в его крови обозначалась только увеличившимся количеством арабских слов и фраз, которые начинал вставлять в английскую речь, становившуюся поспешной и с более выраженным акцентом. Хотя по-английски говорил очень правильно, как представитель арабских стран, находившихся под английским протекторатом. Это подозрение Игоря подтвердил арабист:

– Он из Ирака. Багдадский диалект. – Денис прослушивал запись в кабинете Игоря, маленькой комнате с большим окном, за которым виднелась сизая дымка над Днепром.

С Денисом он дружил давно, вместе оканчивали Военный институт в Одессе. Одновременно получили назначение в ГУР. Денис, пока еще Марьяна не сбежала в Польшу, приходил в гости к Игорю на Крещатик с женой. Он специализировался по Ближнему Востоку, а Игорь – по Европе: в институте изучал нидерландский и французский. Английский учил в языковой школе.

– Денчик, откуда такая конкретика? Неужели так вот можно определить по нескольким фразам? Что он говорит?

Друг включил снова запись, вслушался в хриплый голос Кабира и усмехнулся:

– Где ты его надыбал?

Игорь промолчал, потупив взгляд светло-голубых, водянистых глаз.

– Ладно-ладно, – отмахнулся Денис здоровенной лапищей штангиста. Он на удивление гармонично сочетал в себе физическую мощь с интеллектуальной. – Багдадец в основном сыплет поговорками и ругательствами. Что-то вроде нашего мата. Надо сказать, витиевато. – Он поцокал языком и засмеялся. – Я даже не все понимаю. Он профессиональный военный?

– С чего ты взял? – не клюнул на провокацию Игорь. Но оказалось, провокацией тут и не пахло. Денис ничего не пытался вывести.

– Я бы сказал, что военный. Сам посуди. Он из Ирака. Спец-наемник... Ну будет тебе. Я же догадываюсь, чем ты занят. Приехал из Ирака?

– Из Сирии, – сдался Игорь.

– Тем паче! Туда из Ирака приезжали бывшие саддамовские офицеры, обиженные на жизнь, на янки. Перлись воевать на стороне ИГИЛ³. Опыт военный... Сколько ему лет?

– Сорок пять. Может, больше, может, меньше. Такой, знаешь, высушенный солнцем, его не поймешь. Законсервированный. Без возраста, незапоминающийся.

Они переглянулись.

– Не исключаю, что он из саддамовских спецслужб. Ну что мне тебя учить! Будь с ним поаккуратнее. Те парни были изощренные во всех отношениях. Попытки в своих застенках применяли иезуитские. – Они снова переглянулись, невысказанное повисло в воздухе. Оба подумали о пытках, которые теперь практикуют в СБУ. – Учили их кагэбэшники в советское время. Старая школа. – Денис подмигнул. – Не заиграйся. А на что он тебе сдался?

– Пока не знаю. Он говорил, что работал парикмахером в Багдаде, при этом многозначительно ухмылялся.

...Игорь собирался посмотреть на араба в деле, чего тот стоит как спец. Тогда можно будет понять, какую школу он проходил. Только ли общевойсковую, либо, в самом деле, речь идет о Мухабарате.

– Что ты с ним возишься? – сердился и поторапливал полковник Тарасов. Начальник отдела выглядел усталым, серые тени под глазами на красноватом апоплексическом лице выдавали то напряжение, в котором он жил последнее время. – Воевал в Сирии? Где? Когда? Он вообще идет на контакт?

– Идет, – неуверенно кивнул Игорь. – Вроде довольно разговорчивый. Но как-то все обтекаемо. Я же его не допрашиваю. Нет полномочий.

³ ИГИЛ – организация, запрещенная в РФ.

– И не будет. Это наши «союзники», – хмыкнул полковник. Разговаривали они на парковке около машины Тарасова.

С Днепра дул сильный, промозглый, но уже не морозный ветер, он полоскал брючины мужчин и полы их курток. Редкие волосы Тарасова взметнулись на висках, оголив розовую макушку, которую маскировали. Он подкидывал ключи на ладони, поглядывая по сторонам. На площадке стояли дорогие, очень дорогие иномарки. Игорь заметил, что машины становились все круче, вместе с тем как росли поступления денег с Запада на войну с Россией. А он сам все так же ездил на своей старенькой серой «Хонде».

– Заканчивай с ним побыстрее. Мне вы с Русланом понадобятся для другого.

Игорь поначалу в самом деле искусственно продлевал свое пребывание в Старичах, чтобы его не втягивали в это «другое», на что намекал Тарасов. Но через несколько дней после разговора на парковке увидел Кабира в деле, не в офицерском общезитии с сигареткой и рюмкой водки в руке, а на полигоне.

За полчаса до этого один из завербованных Игорем бойцов шепнул ему удивительную новость. Агент утверждал, что собственными ушами слышал от араба русскую речь, и по большей части нецензурную. Да, с сильным акцентом, но русскую...

Подъехав на машине к стрельбищу, Игорь остановился в стороне и увидел, как стреляет Кабир, демонстрируя новобранцам, как надо действовать. Это была тактико-оперативная стрельба без зацеливания, в темпе, доведенная годами тренировок до автоматизма, с перекачиваниями с места на место, с двух рук для подавления плотного огня противника в городском бою или внутри здания. Он легко стрелял как разведка руки, так и сведя вместе и сцепив пальцы больших рук для большей устойчивости. Он явно целился и левым, и правым глазом одновременно, а не ориентируя прицел левого по прицелу правого. Такое Игорь видел впервые. Редко кто так может делать. Араб ловко кувыркался через голову, как человек, владеющий навыками восточных единоборств.

Из автомата Кабир стрелял сразу в штурмовой изготовке, держа автомат высоко, прижав левый локоть к ребрам. Новобранцы стояли, разинув рты, глядя на его кульбиты и стрельбу.

Игорь замер за их спинами и наблюдал, не сразу замеченный Кабиром.

Через два часа араб ввалился в офицерское общежитие, притащив на ботинках пласты липкой грязи с полигона. Игорь сам минут пятнадцать счищал грязь на крыльце, воспользовавшись декроттуаром, проще говоря, ребристой железкой, вмонтированной в бетон рядом со ступенями. Кабир не беспокоился по поводу грязи, оставил солидные следы от больших ботинок натовского образца в коридоре, бросил на кровать автомат и стал раздеваться, не обращая внимания на сидящего у стола Игоря. Квадратный столик у окна, без клеенки, заляпанный кругами от чашек, разлиновала тень рамы, как будто в перекрестье прицела.

Игорь отметил, что у Кабира тактическая набедренная кобура со «стечкиным». На поясе еще одна с ТТ. Вся сбруя у араба отличная, но крепко поношенная. Видно, что не для того она, чтобы покрасоваться, а всем этим он пользуется, и уже давно, потерта и пропитана въедливой сирийской пылью.

Кабир снял камуфлированную куртку, обнажив смуглый мускулистый торс и уродливый шрам на плече. Еще один выпуклый шрам на его виске, уходящий под волосы, Игорь видел и раньше.

– Ты знаешь, кто я? – спросил разведчик, не в силах оторвать взгляда от изуродованного плеча. – Может, ты прекратишь стриптиз и мы поговорим?

– Я весь мокрый. Дай хотя бы переодеться. – Он натянул свитер прямо на голое тело. – Догадываюсь, кто ты, догадываюсь. Просветили уже.

– Давай пройдемся, – поднялся со стула Игорь.

– Пройдемся или проедемся? – уточнил Кабир с некоторой опаской.

– Пока что пройдемся, – без тени иронии ответил разведчик.

Далеко идти не пришлось. Моросил дождь, и они, дойдя до высоких елей, росших за общежитием, встали около. На иглах скапливалась влага от мелкой мороси и то и дело, собираясь в увесистую каплю, обрывалась то Игорю за шиворот, то Кабиру на свитер. Он морщился, но терпел, хотя явно устал от беготни на полигоне.

– Что тебе про меня напели?

– Тебя действительно это волнует? – хмыкнул Кабир, доставая сигарету и прикуривая. Сигарета шипела и пыталась погаснуть. – Как я понял, ты из местных спецслужб. Контрразведка?

Игорь уклончиво пожал плечами.

– Откуда русский знаешь?

– Тебе какое дело? – ничуть не смутился араб.

– Я полагал, что ты приехал сюда заработать, как и многие эти ковбои. – Игорь кивнул в сторону офицерского общежития, собираясь уйти.

– Ты можешь мне предложить что-то стоящее? – Кабир удержал его за локоть.

– Откуда ты знаешь русский? – повторил свой вопрос разведчик.

– Когда-то, очень давно, приходилось учить по роду деятельности.

– В Багдаде? – Игорь посмотрел в голубые глаза араба и понял, что подозрения Дениса, да и его собственные оправдываются. Наверняка Кабир служил в иракской разведке, а когда в страну влезли американцы, он либо был ими завербован и таким образом оказался в ИГИЛ, либо, уже оказавшись в Исламском государстве, попал в поле зрения церэушников и теперь прибыл на Украину в качестве натовского наемника. А язык освоил, когда в Ирак приезжали кагэбэшники передавать опыт. Возможно, поработал переводчиком. Уж больно хорошо говорит по-русски, со слов агента. – Только в Багдаде?

– Не только. Несколько лет назад ездил в Россию. Что такое удивление? – хрипло засмеялся он. – Сеть ДАИШ разветвленная. В Кировской области был и в том же, 2015, году в Сургуте.

– Ты там организовывал теракты?

– Можно и так сказать. Привозил деньги, помогал «спящим» боевикам собрать СВУ⁴. Ну к тому времени они уже, правда, бодрствовали. Хотя эти недотепы не довели запланированное до конца.

– А связи остались? И доступ к тем самым «спящим»? Или ты, приехав сюда, утратил контакты?

Кабир отбросил сигарету и посмотрел нагло на Игоря.

– А что я с этого буду иметь? Мне какая выгода? К тому же ты ведь понимаешь, что контакт с тобой, вот эти разговоры под елкой наедине, бросает на меня тень. – Он снова хмыкнул, пытаясь стряхнуть воду с плеч. – Меня не поймут.

– Тебе это так важно? Запятнал себя связями со спецслужбами Украины... – Теперь усмехнулся Игорь, подумав с горечью: не смешно ли это звучит нынче, когда разведчики из США и Великобритании свободно ходят по кабинетам СБУ и ГУР? – С сегодняшнего дня встречаться не будем. Здесь не будем. Ты же можешь выезжать с полигона? В Старичах есть квартира... Не стоит тебя предупреждать о том, что по нашей договоренности ты будешь приезжать туда со всеми предосторожностями? Если занимался подпольной работой на территории России, знаком с основами конспирации.

Араб кивнул и поежился. Свитер неумолимо намокал под усиливающимся дождем. Волосы прилипли ко лбу, и шрам на виске, чуть посинев, стал заметнее и грубее.

– Необходимо, чтобы ты подписал пару бумажек. – Игорь взглянул на часы. – Заполнил несколько опросников и анкет, чтобы нам познакомиться поближе. Но это завтра. В четырна-

⁴ СВУ – самодельное взрывное устройство.

дцать. Затем, может, увидимся во Львове. Тебе нужна машина. Я оставлю в Старицах для тебя тачку. Об этом позже.

– Ты забыл самое главное. Выгода-то какая? – напомнил Кабир. – Здесь я хотя бы получаю бабки. И немалые, надо сказать. Но и работать тут необходимо, а не бегать по конспиративным квартирам, будь то Старичи или Львов.

– Не набивай цену! Думаю, со временем решим этот вопрос. Вознаграждением обделен не будешь. К тому же тебе безопаснее сотрудничество с нами. Некоторых инструкторов отправляют на фронт. Часть из них уже находится в Мариуполе. Вообще-то насильно тебя к нам никто не тянет.

– К вам? – переспросил Кабир.

– Военная разведка, – уточнил Игорь. – А меня привлекают твои связи с подпольем в России и возможность действовать там свободно. Агентура ИГ. Ты ведь сможешь мне это обеспечить?

– Будут бабки, я тебе все обеспечу. И шайтана за хвост поймаю. Проблема в том, что те парни, которые сидят по норам в России, сообщают, как они усердно трудятся в поисках компонентов для СВУ, фотографируются, обвешанные проводами и ЭДП⁵, таким образом формально отчитываются за полученные деньги, а на деле... – Он выругался по-английски так, что разведчик в очередной раз подивился, насколько араб свободно владеет языком, в том числе и нецензурной его частью. – Не поверишь, даже нашиды⁶ сочиняют, какие они орлы и готовы на все ради Мохаммада, салля-л-Лаху алейхи ва-саллям⁷. Заливаются, как соловьи.

– Ты тоже умеешь, как соловей? – не удержался от подколки Игорь.

– У меня нет слуха, – нисколько не смутился Кабир.

Игорь позвонил Тарасову, и по его распоряжению из Львовского управления в Старичи пригнали машину для араба, поставив ее во дворе пятиэтажки, где располагалась конспиративная квартира, организованная не так давно с учетом активной работы военной разведки на Яворовском полигоне, еще до 24 февраля.

Игорь не удивился бы, если бы машина оказалась выдавшим виды «жигуленком». Разворовали всё на корню. И все же пригнали хоть и старую, но «Ауди». Поглядев на нее, он подумал: «Папиросы «Ира» – все, что осталось от старого мира».

Двор пятиэтажки в селе Старичи пустовал. За последнее время слишком многие уехали из страны.

Тарасов думал было организовать конспиративную явку в частном секторе, но все же решил, что в многоквартирном доме, во двор которого выходят подъезды нескольких пятиэтажек, это будет сделать целесообразнее.

Теперь в Старицах больше приезжих. Некоторые офицеры с полигона снимают в пятиэтажках квартиры, чтобы не жить в общежитии с шумными и развратными наемниками из Канады, Италии, Штатов, Англии, часть из которых сразу отправлялась на фронт, в том числе и девки-снайперши. Насколько знал Игорь, русские их уже прихлопнули, и отчего-то по этому поводу не испытывал никакого сожаления.

Он решил переночевать в квартире, хотя ночевки на явке не слишком приветствуются. Она может понадобиться кому-то из сотрудников. Однако Игорь сообщил начальству, что оставляет ее за собой на пару дней для своих оперативных нужд. Теперь было главное – понять, не тянет ли он пустышку с арабом.

В узком коридоре, где двое мужчин едва уместились бы, приди они одновременно, стоял запах от старой галошницы. Хозяйские половики выбросили, оголив обшарпанный паркет,

⁵ ЭДП – электродетонатор.

⁶ Нашид – мусульманское песнопение.

⁷ Да благословит его Аллах и приветствует (*араб.*).

словно здесь жила стая когтистых котов или собак. Денег на переоборудование квартиры никто не выделит в нынешнее время. Да и это излишне обратило бы на себя внимание при всеобщей окружающей бедности. Богато живут только в Киеве.

Брезгливый Игорь притащил с собой из машины спальник мешок и бутылку водки, раскатал спальник на куцем диване с потертой обивкой и заглянул в холодильник. Припасы всегда пополнялись на всякий случай. Он сварил сосиски в маленьком ковшике и выпил водки, чтобы согреться. Промок под дождем, из-за того что говорить с Кабиром в казарме не решился.

Поставил рядом с собой небольшой радиоприемник, который тоже прихватил из машины. Телевизора здесь нет. Так и уснул под бубнеж пустобрехов, которых расплодилось немерено, вернее, расплодили. Он знал, что многим из них платят те же Джоны и Биллы, крутившиеся во всех властных структурах.

Никакой новой информации из этих новостей и ток-шоу Игорь не получал, он имел гораздо более точные сведения, без пропагандистской лакировки. Эта лакировка напоминала ту, что наносили на картины. Со временем лак покрывался патиной – сетью мелких трещинок, с одной стороны, указывающих на высокую цену старинного полотна, а с другой стороны, в конечном счете сама картина могла полностью исказиться.

Игорь нарочно назначил встречу с Кабиром не на утренний час. Во-первых, лишний повод задержаться в Старичах, во-вторых, он запланировал контакт с еще одним агентом, из офицеров. Тот категорически отказывался общаться на территории учебного центра.

Пересеклись в маленьком сельском магазинчике. Затем вместе вышли на задний двор, где громоздились штабели пластиковых ящиков и стояли еще советские деревянные хлебопечные тележки на ржавых колесиках.

– Не понимаю, почему вы здесь, – пробормотал полноватый высокий капитан с орлиным профилем, пряча конверт с деньгами в карман полевой камуфлированной куртки. – Разведка ведь должна работать за границей...

– Тебя это в самом деле волнует? – строго спросил Игорь и отбил у агента охоту рассуждать на подобные темы. – Так что араб? Как он тебе показался?

– Мрачный. Молится периодически. Раскладывает коврик в своей комнате и бьется лбом об пол. А сперва с компасом что-то вычислял.

– Направление на Мекку, – подсказал более сведущий разведчик.

– Да и фиг с ним! – отмахнулся капитан. – Задушил всех своими сигаретами. Дымится этот Хоттабыч, как джинн из бутылки. Так-то нелюдимый, дикий, но как где бутылку открывают – он тут как тут. Пьет и не пьянеет.

– Ну а насчет баб?

– Что насчет... А, в этом смысле. Как-то сказал, что у него три жены. Дескать, четвертую он не потянет, даже и думать об этом не хочет. Достали его склочные бабы. Одна из Ирака. Другая вроде как из Турции... Так что нет, на этом фронте неактивен. Зато стреляет, как Купидон.

Игорь в который раз подивился образности рассуждений капитана, с которым общался довольно давно.

– Наркотики? – неуверенно спросил он, сомневаясь, что этот арабский Вильгельм Телль смог бы пить, курить, нюхать или колоться и при этом так метко стрелять.

– Не замечал. Он вообще очень спокойный. Мне кажется, его трудно выбить из колеи. Похоже, столько в своей жизни повидал, что его ничем не смутить.

Игорю не нравилась такая уравновешенность, хотя он и подозревал, что Кабир причастен к одной из спецслужб. Все указывало на ЦРУ. Участие в ИГ, направление его на Украину в качестве натовского инструктора. С другой стороны – иракское происхождение Кабира и, опять же, участие в ИГ могли говорить о том, что он ненавидит Штаты и все, что с ними связано, и до сих пор остается верен своим иракским спецслужбам. В таком случае его команди-

ровка на Украину лишь повод усыпить бдительность церэушников, убедить их в своей лояльности, чтобы реализовать затем какие-то свои цели.

Мысленно Игорь отмахнулся от всех этих умозаключений. В конце концов, он не собирается доверять Кабиру государственную тайну. Лишь воспользуется его знаниями и услугами на определенном этапе. Расходный материал по большому счету и он, и его подпольная террористическая сеть, окопавшаяся в России.

Первые осложнения начались, когда Кабир нехотя признал, что с турками у него проблемы. Не сможет он полететь в Россию через Турцию, а через другие страны затруднительно. Разве что через Польшу в Беларусь. Но он не белорус и не украинец. Араба, попытающегося пересечь границу с Россией, естественно, возьмут под подозрение. Сошлись на том, что лучше пока действовать дистанционно. При нынешней ситуации русские неплохо обставились – границы под контролем, въезд-выезд. И все-таки лазейку найти можно, но не с физиономией и паспортом иракца с сомнительным прошлым и настоящим.

Игорь оставил ему свой номер телефона для экстренной связи и уехал из Старичей, сложив в бардачок машины поверх кобуры с «Фортом-12Б» подписку Кабира в готовности работать на ГУР и пару опросников, в которых араб упорно называл себя парикмахером из Багдада Кабиром ибн Мохаммедом Салимом.

Тревожило то, что наверняка Кабира захотят передать другому разведчику для дальнейшей работы. Как посулил Тарасов: их отдел в ближайшее время загрузят по линии взаимодействия с МИ6.

И все же Игорь не планировал отдавать араба кому бы то ни было. Его убедили в этом показавшиеся странными и даже мистическими три часа, проведенные с ним вместе на конспиративной квартире при свете красного шарообразного абажура, висящего на витом шнурке, способном растягиваться и опускаться плафон почти до самого стола, за которым Кабир корявым почерком заполнял опросники. Особенную загадочность придавал красноватый свет этого еще советского абажура. Когда-то такой же был и в семье Игоря, только зеленый.

Красный оттенок убивал свет как таковой. Слоился табачный дым по тесной кухне старой хрущевки, и снова все виделось Игорю нереальным. Как сон или фантастический фильм. Чтобы разогнать это ощущение, он попросил у Кабира сигарету, закурил и закашлялся, но ощущение сюрреализма не развеялось.

Он привык, что подобные конспиративные встречи с агентами или разведчиками, приехавшими на Украину из стран пребывания, были серы, деловиты и порой даже откровенно скучны. «Страны пребывания» – в основном бывшие советские республики. На большее заманиваться не приходилось. Не давали. По ту сторону Советского Союза (пусть и бывшего) все тот же железный заслон. Им дают по рукам при малейших поползновениях вести разведку в Европе, в Америке и далее везде. Зачем разведывать? Они же союзники. Сами сообщают все необходимое, ведь даже делятся оружием, правда, БУ или бракованным, часть которого довольно успешно и с хорошим наваром украинцы переправляют, скажем, в воюющий Йемен.

Это Игорь знал наверняка. Один из деятелей в его ведомстве в свое время лично участвовал в продаже крылатых ракет Х-55 Ирану, а персы в свою очередь снабдили ими хуситов в Йемене, атаковавших саудовский нефтезавод. Продали их еще в начале двухтысячных. Так что тропинка протоптанная.

А западным оружием, попадающим в руки бойцов ВСУ, толком никто владеть и не умеет. «Народ у нас, конечно, смекалистый и рукастый, – утешал себя Игорь. – Методом «тыка» разберутся там, где их недоучили или они недопоняли, но все же «калашников» так и остался более привычным оружием еще со времен афганской».

При этом депрессивном освещении чай в чашках казался болотной жижей, а хриплый голос араба заворачивал. Может, усиливал эффект заваренный до состояния чифиря чай. Такой пьют на Ближнем Востоке, его приготовил сам Кабир.

Он отказался исповедоваться про свою реальную жизнь и выдавать подлинную профессию, твердил, что был цирюльником в Багдаде. Однако охотно поведал, как со своими бойцами черного халифата разграбил православный монастырь в Маалюле, участвовал в боях за аэродром Табка, вел уличные бои в Эс-Сауре, пытался взорвать объект Марадыковский в России и мечеть в районе Сургута, по поручению полевого командира их группы перевозил ценности в Турцию из музеев, разграбленных в Сирии. Оттуда их переправляли уже турки коллекционерам и музеям по всему миру, получая свою маржу. Оговорился, что бывал в Пакистане и Афганистане, поскольку там сейчас сосредоточиваются выбитые русскими из Сирии бойцы ИГ, организовавшие пакистанский филиал исламского государства – «Вилаят Хорасан».

Рассказывал он спокойным тоном, с усмешкой в голосе, никакого бахвальства, только четко расставленные акценты своего истинного отношения, обозначенные цитатами из Корана и славословием Пророка, как витыми рамками, которыми в книгах детства Игоря обрамляли тексты сказок и басен. При всем этом благолепии Кабир сочетал религиозные сентенции с отборными ругательствами.

Араб не производил впечатления отмороженного, оголтелого боевика черного халифата. Слишком рассудочный, хоть и выглядит пофигистом, вальяжным, плывущим по течению и забавляющимся остротой приключений, которыми полна его жизнь. Игорь не мог понять, какими мотивами руководствуется этот опытный, опасный человек. Опасный... Да, он излучал силу и уверенность... и опасность. Игорь умом понимал, что угрозы Кабир не может нести – он изначально на их стороне, не подкопаешься, но вот только эта убежденность не приносила облегчения.

Объем знаний араба по разным регионам мира, обкатанность его в боевых действиях и участие в полукриминальных историях наподобие контрабанды исторических сирийских ценностей – все вместе это сулило серьезные перспективы в работе с ним. Привлекала и авантюрная манера действий. Дозированный авантюризм хорош. Религиозность его не зашкаливала. По сведениям, полученным от агента, – молился даже не три раза на дню и, уж само собой, не пять, как делают истовые мусульмане.

Игорь затруднялся судить об искренности веры Кабира, хотя догадывался, что то уродливое ответвление ислама, которое тот исповедует и которое подняли вместе с черным флагом радикальные исламисты ИГ, слишком далеко от постулатов веры как таковой, убеждавшей людей в необходимости милосердия и всепрощения. Это ответвление погрело настоящий, чистый и праведный ислам, пытаясь осквернить не только имя самого Пророка, но и Аллаха.

«Убеждать можно людей, а не зверей со свастикой, набитой где попало на перекачанном теле. У них не только тело утратило пластичность, но и мозг», – думал он, глядя через дымовую табачную завесу на араба и припоминая тех отмороженных, которых так же, как и сейчас «диких гусей⁸», некоторое время назад готовили на полигоне. Видел их раздетыми по пояс, когда они красовались друг перед другом в спортзале, в казарме и бегали кроссы прошлым летом на Яворовском полигоне. «У них свое верование – в свою исключительность. Это как если бы они все время целовали самого себя в бицепс». – Он грустно улыбнулся.

Сам Игорь считал себя православным христианином, причем не новоделной украинской церкви, а прежней, исконной и истинной, как он был убежден в глубине души, понимая, что теперь об этом распространяться не следует.

На будущее Кабир может быть чрезвычайно полезен. На будущее, если оно будет у Украины...

⁸ «Дикие гуси» (*жарг.*) – наемники.

* * *

Его звали Колчо Гинчев. Обычный болгарин, черноглазый, с правильными чертами лица, уже седеющий, с редющей шевелюрой. Таких англичане называют handsome. Журналист. Руководитель издания журналистских расследований. Во всяком случае, Игорь знал о нем лишь это. Все остальное – догадки. Хотя чего гадать, если сам за себя говорил тот факт, что этот тип оказался в кабинете Тарасова нынешним утром...

Игорь добрался до Рыбальского часам к десяти. Тарасов посмотрел на наручные часы, когда он заглянул к нему в кабинет, но промолчал. Полковник Тарасов считал, что у него в отделе всерьез радеют за дело только Руслан Щербак и Игорь Стремнин. За то дело, которое не под диктовку американцев и англичан, а потому многое спускал им с рук.

Малиновый цвет начальственных щек указывал либо на то, что Тарасов с утра успел выпить не одну чашку кофе, либо готовился к неприятной миссии.

Руслан влез в кабинет следом за Игорем. Именно влез – слишком он крупногабаритный, квадратные плечи, не слишком пропорциональная голова для такой туши, мелковата. Он мог бы показаться уродливым, если бы не спокойные, крупные синие глаза в обрамлении черных, густо растущих ресниц. Из-за таких «девичьих» глаз он производил впечатление человека наивного и неискушенного. Однако недолго. Пока не открывал рот и не извлекал из затаенных уголков памяти словарный запас своего старшины, под началом которого служил срочную. Этот словарный запас был весьма однобоким. Кто общался с Русланом впервые, вздрагивал, словно пораженный мелкой злой шрапнелью.

– Панове офіцери, – начал Тарасов, когда Руслан и Игорь сели по обе стороны от стола переговоров. Он переходил на украинскую мову, когда злился. – Есть одна идея, – Тарасов кашлянул, – очередная идея. Собственно, уже целая группа наших компьютерщиков работает над этим. Ищут информацию в открытых источниках, систематизируют, чтобы передать ее нам для оперативной разработки.

– По поводу чего? – встрял нетерпеливый Руслан, постукивая маленькой черной зажигалкой по полировке стола.

Тарасов повел пухлыми плечами с недовольством.

– Задумка немудреная... Кстати, что там у тебя с твоим арабом? – Он посмотрел на Игоря. Тот, сонно шурясь то ли на книги в шкафу, то ли рассматривая свое отражение в стеклянной дверце, сидел боком к столу как человек, который далеко мыслями отсюда и готов в любой момент уйти без сожаления.

Игорь нехотя достал из папки, оставленной на краю стола, подписку Кабира и заполненные анкеты, протянул Тарасову.

– Готов араб? – хмыкнул полковник догадливо. – Это я потом посмотрю. – Он спрятал бумаги в ящик стола. – Передашь его Волянцу.

– Я бы... – начал было Игорь, но Тарасов раздраженно отмахнулся.

– Все-все, Стремнин, хватит умничать! Ты мне нужен сейчас здесь. Уже скопилось некоторое количество персонажей, которых вы с Русланом будете разрабатывать. Поделите по-братски. – Он достал из сейфа две папки и, словно карты раздавал, прокатил их по столу: синюю – Игорю, а салатovou – Руслану.

Едва Игорь открыл ее, начал догадываться, какого рода предстоит работа. Сверху была прикреплена фотография, скопированная со страницы одной из соцсетей. Крепкий улыбающийся парень в форме ВКС⁹ России, позирующий около самолета. Около боевого самолета.

⁹ ВКС – Воздушно-космические силы Российской Федерации.

Насколько Игорь смог разглядеть – Су-34. С носовым обтекателем, как физиономия утка-носа, и чуть «горбатой» кабиной. Фронтальной истребитель-бомбардировщик, метко прозванный «утенком», хотя это уж точно не гадкий утенок. Впервые его задействовали в Южной Осетии и только восемь лет назад приняли на вооружение. Серьезная машина.

У летчика погоны подполковника. В экипаже должен быть еще и штурман, он же оператор. На фото виден трап, опущенный из передней стойки шасси. Подписана фотография: «На фронт!» Яснее ясного, речь не о сирийской операции ВКС РФ, к вылету готовятся на Украину.

Следом за фотографией в папке лежал материал с информацией от компьютерщиков, которую они добыли частично из открытых источников, а кое-что, уже используя свои технические возможности, но в большей степени спецсредства для разведки в области информационных технологий, предоставленные ЦРУ.

Установили имя-фамилию летчика, сопоставляя данные разных соцсетей, выявили номер мобильного телефона, имя жены. Далее Игорь увидел и несколько фотографий супруги пилота – в купальнике, в платье на каком-то празднике, на работе за компьютером.

Он продолжал просматривать страницы папки. Насчитал человек пятнадцать летчиков. Все фотографировались в форме, некоторые рядом с самолетами. Были среди крылатых машин и Су-25 и даже Ту-22М3М – тяжелый ракетно-бомбардировщик. Такие базируются в Калужской области, в Мурманской, Иркутской.

«Экипаж – четверо, и это почти неразрешимая проблема», – подумал Игорь, невольно поймав себя на том, что уже улавливает ход мыслей руководства, готовящегося к мероприятию исподволь.

– У тебя тоже пятнадцать? – негромко спросил он, пока Тарасов разговаривал с кем-то по телефону. – Думаешь, сколько из них отвалятся сразу?

– Все зависит от того, как будете убеждать, – вмешался полковник, услышав вопрос. – Сейчас придет Колчо Гинчев – наш болгарский друг. Он в курсе дела. – Тарасов кашлянул досадливо. – В дальнейшем работайте с ним в тесном контакте.

– Это как? – не удержался Игорь. – Он же журналист.

Тарасов смерил его тяжелым взглядом карих с поволокой глаз. Он когда-то занимался профессионально боксом, и Игорь почувствовал себя противником-боксером, с которым устроили стердаун – дуэль взглядов. Он не собирался бодаться с начальством ни взглядами, никак иначе и уткнулся в свою папку.

Тогда в дело вступил Руслан:

– Интересно, какого лешего?.. Кто ему оформил пропуск? С какой целью он будет присутствовать?

– Хватит уже меня терзать! Примите это как данность, – вздохнул Тарасов и словно сдулся, вся его грозность сошла на нет. – Что вы хотите, если под это мероприятие даже готовят закон в Раде?

– Чего? – Руслан захлопнул папку.

В дверь энергично, по-хозяйски постучали, и тут же всунулся «болгарский друг», как его окрестил Тарасов.

– Приветствую! – весело сказал Гинчев.

Он улыбался, а глаза колючие. Цепко, словно сфотографировал, бросил взгляд на разведчиков, которые по всем правилам конспирации вообще-то не должны были знакомиться с гражданином другого государства, а тем более выдавать принадлежность к военной разведке и свои установочные данные. Игорь и не стал. Протянул руку для рукопожатия и сказал:

– Юрий.

– Валентин, – последовал его примеру Руслан, тоже назвавшись одним из своих оперативных псевдонимов.

По ухмылке Гинчева Игорь догадался, что тот знает все их личные данные и ухищрения тщетны и наивны. И разозлился.

Чему их будет учить этот хлюст-«расследователь»? Как вести оперативную работу с врагом, к тому же сидящим у них в подкорке, в мозжечке, знающим принципы их работы – ведь от единой когда-то с русскими системы спецслужб сложно абстрагироваться. Даже с помощью черэшных и румошных спецов, которые пытались внедрить свою систему обучения, не удалось обнулить старую школу. Старую обезьяну новым трюкам не обучишь.

Когда разведчики познакомились с болгаринном, Тарасов отправил их в кабинет Игоря.

– Господин Гинчев изложит вам суть дела, – морщась, сказал он, что отчасти можно было принять за приветливую улыбку, но лишь отчасти.

Усевшись на диванчик в кабинете Игоря, закинув ногу на ногу, Гинчев все улыбался и не торопился излагать ту самую суть. Поглядывал в сторону стеллажа, словно корешки книг читал.

Хотелось хлопнуть его по плешивеющей макушке, но Игорь умел быть терпеливым. Он сел за свой письменный стол, открыл полученную от Тарасова папку и стал внимательно читать, будто забыл о госте. Руслан не растерялся и, скрипнув стулом, на котором устроился у окна, раскрыл свою папку.

– Господа, нам предстоит долгая совместная, надеюсь, плодотворная работа. Мне по роду деятельности, журналистской деятельности, – уточнил он, – придется вникать во все детали грядущей спецоперации, чтобы затем создать документальный фильм.

Игорь поднял глаза от бумаг с недоумением. Он догадывался, кто такой Гинчев, но не ожидал, что болгарин с таким упорством продолжит отрабатывать свою легенду даже здесь, где, казалось бы, можно не таиться. Это говорило о том, что на самом деле никто спецслужбам Украины беспредельно не доверяет. Гинчев вел себя, как и должен вести сотрудник МИБ, хотя все вокруг и подозревают, кто он есть. Он-то как раз демонстрировал поведение разведчика, придерживающегося легенды до самых мелочей.

Руслан посмотрел на Игоря, ожидая реакции. Но Игорь промолчал.

– Вам предстоит довольно сложная задача – вызвать доверие у летчиков по телефону, Скайпу, – не замечая гнетущего молчания продолжил Гинчев как ни в чем не бывало. – Степень доверия должна быть такой, чтобы эти летчики...

– Вы сейчас серьезно? – спросил Игорь, видя, что Руслан и вовсе потерял дар речи. Он и без болгарина понимал, что речь идет о вербовке русских пилотов боевых самолетов.

– Абсолютно, – самодовольно подтвердил болгарин, наконец завладев вниманием мрачного, коротко стриженного военного разведчика. Гинчев сразу смекнул, что «Юрий» человек того сорта, который никогда ни от чего не отказывается, но источает сомнения и скепсис ежеминутно.

– Я не про летчиков. Я по поводу того, что именно вы объясняете нам суть задания.

Гинчев поднял руки вверх и улыбнулся, как ему казалось, обезоруживающе.

– Может, я переступил черту, но теперь времена такие, когда информационная война едва ли не важнее открытого противоборства.

– Я не думаю, что в делах разведки должен участвовать журналист, к тому же не украинец. – Игорь снова уткнулся в папку, лежащую на столе, демонстрируя, что аудиенция закончена.

Гинчев неуверенно встал. Кивнул и вышел.

– Жаловаться побежал, – скривился Руслан. – Тарасову это не понравится.

– «Журналист» надеется, что Тарасов сменит одних болванов на других, – пожал плечами Игорь, его больше сейчас волновал араб, которого начальник отдела вырвал у него из клювика.

Как ни странно, Тарасов не вызвал Стремнина, не побежал устраивать нагоняй им с Русланом. А болгарину сказал примирительно:

– Немного подождем, пан Гинчев. Эти двое – лучшие сотрудники. Я сам посвящу их в детали. Работа идет, мы будем стараться выполнить необычный и дерзкий замысел. Нужно просто учесть психологию... Вы же понимаете, мы теперь вынужденно проникаем в те сферы, где ранее, как говорится, не ступала нога человека. Необычное взаимодействие, неожиданные ходы. Как любят говорить наши друзья из Штатов – выходим из зоны комфорта. Вы ведь не желаете раскрывать свои карты, а в том виде, в каком вы перед нами предстаете... – Тарасов закашлялся. – Я буду держать вас в курсе дела. Регулярно. – Он заметил, что Гинчев встал, но все еще чего-то ждет. – Ежедневно. Роджера Греймса, само собой, тоже. Это ведь его блестящая идея?

– Отчасти, – нахмурившись, согласился Гинчев. – До завтра. – Он приложил ладонь к уху, изображая, что держит телефонную трубку, намекая, что уже завтра ожидает первый телефонный отчет о проделанной работе.

– Они меня ухватили за горло, – негромко сказал Тарасов, когда они с Игорем вышли на парковку и снова, как совсем недавно, стояли около его машины. – Считают, что все условности преодолены, даже если эти условности – законы нашей страны, конспирация спецслужб, элементарные правила, призванные обеспечить безопасность сотрудников разведки и контрразведки. С одной стороны, всеобъемлющая помощь, но, чтобы ее получить, мы устраиваем день открытых дверей. Ты понимаешь, к чему нас это приведет?

Игорь хмыкнул и достал пачку сигарет из кармана. Тарасов жадно выхватил сигарету и прикурил от зажигалки, поднесенной Игорем.

– К тому, что, если наши пути разойдутся, мы беззащитны перед ними, можно сказать, голенькие.

– В общем, выбора нет, придется действовать по их плану. – Тарасов присел на крыло машины, не опасаясь запачкать короткий распахнутый плащ. Шея его покраснела не от ветра с Днепра, а от гнева. – Вы с Русланом самые опытные и осторожные. Мне не нужно оказаться замешанным в дела наподобие неудачной диверсии нашего нынешнего шефа или тех потуг, которые недавно затеяли с вагнеровцами.

Насчет вагнеровцев Игорь был не согласен, считал, что им почти удалась та лихая авантюра. Однако спорить не стал.

– Хотя нас именно в такое и втягивают. Даже закон под это сверстали. В начале апреля его уже утвердят. Все слишком серьезно, чтобы нам манкировать. Карусель раскрутили, только держись, лишь бы не слететь из-за центробежной силы. Для меня лучше, чтобы этим занимался ты, нежели кто-то другой.

– Закон? – переспросил Игорь.

– Нечто вроде гарантированного вознаграждения за переданную нам российскую технику, одобренного Радой. Будет одобрено, единогласно, – поморщился он.

– И за чей счет вознаграждение?

Тарасов взглянул на него снисходительно и промолчал.

– Так что насчет араба? – Игорь продолжал курить, провожая взглядом каждый выдох табачного дыма.

– Да чего ты в него вцепился? – Тарасов отбросил окурочек. – Я посмотрел его болтовню. Какой-то заштатный цирюльник, головорез. Из ценного разве что связь с ячейками ИГ в России. Но это бабушка надвое сказала. Сейчас связи нарушились, он и его приятели «челночить» туда не смогут, чтобы возить бабло, тем более перечислять деньги за теракты и на покупку составляющих для СВУ. Все отслеживается, связи с зарубежными банками прервались. Санкции. Разве что через Турцию, но ты упомянул, что он там наследил и не сунется, опасаясь ареста.

– Этот изыщет способ выйти на связь со «спящими» боевиками, – уперся рогом Игорь, сам сомневаясь в сказанном.

– Не знаю. Сейчас тебе не до того. Начинай с завтрашнего дня писать сообщения летчикам по списку. Тем, кто, вопреки запретам, выкладывает в соцсети свои фотки то в форме, то рядом с боевой техникой, которую пилотирует... В том, что именно они пилотируют, надо будет стопроцентно убедиться. Это главное. – Тарасов поднял палец. – Так вот такие субчики более подходящие для вербовки. И дело не в шантаже! Ты и до Руслана донеси. Никаких угроз, ни в коем случае. Только спокойствие, убеждение, патока в уши, посулы денег, можно будет сослаться на этот закон, я потом дам тебе содержание. В нарушении запретов отчасти проявился их характер. Может, пофигисты, и такой вариант для нас предпочтительнее. А может, думают о своих контрразведчиках: перестраховщики. Нам это на руку. Однако, убедившись, что контрразведка страдала их не напрасно, они, выражаясь образно, отпрыгнут резво от открытого пламени.

– В общем, по большому счету все зависит от случайностей, – нахмурясь, констатировал Игорь. – ЦРУ и МИБ не знают менталитета – ни нашего, ни русских.

– А я тебе так скажу. – Тарасов поглядел Игорю за спину. От входа в Управление ему кто-то в развевающемся на ветру плаще призывно махал рукой. – Менталитет предателей всегда одинаков. Деньги слишком сильный стимул. Европейский паспорт – отменный допинг, чтобы бежать быстрее и как можно дальше с большим багажом знаний и секретных документов. – Он отмахнулся от зазывавшего его человека и спросил: – У тебя ведь родители в Борщаговке обитают? Там же и сын? Отправь их лучше куда-нибудь на запад. Я имею в виду запад Украины, – быстро поправился он. – Не буду возражать, если ты сегодня к ним съездишь. – Тарасов хлопнул его по плечу и вразвалочку пошел ко входу в Управление.

Игорь не считал необходимым куда-то перевозить родителей и сына. Если русские будут настолько близко – рядом с кольцевой Киева – в принципе, бегство бессмысленно. Куда бежать со своей земли, да и не обеспечил себя Игорь никакими домами за границей, как некоторые из его же Управления или СБУ...

Но все же он воспользовался возможностью навестить своих. Когда еще выдастся время? Теперь с этими летчиками его загрузят капитально.

Купил продуктов, хотя обычно сам уезжал от родителей с полным багажником – банки с домашней консервацией, ящики яблок, которые, казалось, никогда не иссякнут у запасливых, куркулистых, чего греха таить, матери и отца. Они участок в элитном поселке превратили в деревенский – с яблонями-черешнями, с картоплей, как ее по-украински называет мать, помидорами и огурцами. Припахивают и внука, который не слишком-то это любит. Даник учится в школе недалеко от дома, хотя Игорь предпочел бы, чтобы он остался в прежней. Но после бегства от них Марьяны в Польшу с ее братом и его семьей пришлось отправить Даника к деду и бабушке.

Игорь теперь часто не ночует дома, в их большой квартире на Крещатике. Отцу-полковнику дали эту трехкомнатную еще в советское время, буквально перед развалом Союза, на излете. Переехали из Новосибирска, где родился Игорь. Не случись тот перевод в Киевский военный округ, сейчас бы Игорь воевал по другую сторону.

А тогда семья радовалась переезду на юг. Тем более мать родом из Мариуполя. Ну а после развала большой страны отцу не пришлось решать дилемму о присяге, поскольку он уже вышел на пенсию. Хорошая квартира на Крещатике, мягкий климат, школа для Игоря с углубленным изучением иностранных языков – французского и английского.

Застрыв в пробках у кольцевой, Игорь постукивал по рулю, все еще не в силах избавиться от неприятного чувства, оставленного сегодняшней встречей с «болгарским другом». Он заставил себя отключиться от этой темы и снова вернулся к размышлениям, надо ли роди-

телям уезжать. Единственный доступный вариант – Львов. Там снять для них квартиру. Но где сейчас на самом деле безопасно?

Жена уехала беспрепятственно, тем более что он сразу же подал документы на развод. А вот насчет сына в ССБ родного Управления, пронюхав про отъезд Марьяны, сразу же наметнули: Даника на границе завернут. Как в Советском Союзе. Артистов не выпускали за границу всей семьей, даже если муж и жена служили в одной труппе, чтобы не было соблазна исполнить там звездную роль невозвращенцев.

В данном случае ССБ сыграла ему на руку. Марьяна не смогла забрать сына. А собиралась. Не из любви, а чтобы насолить Игорю.

Увидев отцовскую машину, тринадцатилетний Данила выбежал во двор. С черными волнистыми, как у матери, волосами, с узким лицом с тонкими чертами, тринадцатилетний Даник знал, что смазливый, и иногда манерничал, пытаясь выглядеть взрослее, но сейчас по-детски полез обниматься, боднул Игоря лбом в подбородок.

– Ты колючий, – заметил он отцовскую небритость.

Игорь хотел было пошутить, что это сын колючий, имея ввиду его подростковую неговорчивость, но воздержался, как раз памятуя о подростковой вспыльчивости, возникающей на пустом месте.

Они дружно перетаскали пакеты с продуктами в теплую прихожую, где на вешалке висел отцовский старый бушлат, залатанный матерью много раз. На Игоря привычно нахлынуло ощущение, что он дома, причем не здесь, а в Новосибирске. Вот так же там висел отцовский форменный бушлат, только новехонький, пахло кожей от портупеи и ремня. Но все забивал ядреный запах гуталина, которым отец натирал ботинки.

Из приоткрытой двери со двора тянуло запахом сырой весенней земли. Игорь слышал голоса родителей и сына с кухни. Он прислонился плечом к бушлату, едва не оборвав его с вешалки, и подумал: «Что здесь будет, если они начнут бомбить?»

Помотал головой, отгоняя от себя пессимистичные мысли. Скинул куртку и заглянул к сыну в комнату, находившуюся ближе остальных ко входу. Мгновенно вспыхнул, потому что ту же картину наблюдал здесь неделю назад:

– Что за бардак у тебя в комнате?

– Бандера придет – порядок наведе! – огрызнулся Данила, прибежавший с кухни.

Игорь отвесил сыну крепкую затрепину.

– Еще раз услышу, пришибу! – пообещал он настолько грозно, что Даник даже не попытался возмущаться и, подбирая по ходу движения разбросанные носки, пошел к шкафу у окна.

Дед, ставший свидетелем этой сцены, покосился на Игоря и торопливо вышел из комнаты. Непонятно было, то ли Игоря взбесил лозунг сам по себе, то ли напугало, что сын так неуместно его использует и, если кто-то станет свидетелем такой интерпретации, могут быть крупные неприятности и у самого мальчишки, и у его близких. Раз подобным образом иронизирует, значит, и дома ему такое внушают. Выводы сделают незамедлительно, и поможет ли положение Игоря, не припомнят ли его отцу, что тот присягал на верность ненавистному теперь Советскому Союзу?

Тему войны за столом тщательно обходили, словно зловонную навозную лужу на скотном дворе. Все знают источник, мирятся с запахом и роем мух как с чем-то неизбежным. Но лица у родителей выглядели тревожными. Мать рассеянно уже во второй раз пыталась подсолить борщ в тарелке Игоря. Отец выпил привезенной сыном водки и хмуро гонял по тарелке маринованный гриб, скрипевший и выворачивающийся.

– Ты сегодня в будний день... – закинул удочки отец, наконец поймав увертливый гриб и отправив его в рот.

– Выдалось немного свободного времени. – Игорь взглянул на часы. Уже наступил тот момент визита к родителям, когда он начинал тяготиться обстановкой и недоговоренностью.

Будто знает, каким будет исход войны, но скрывает. А они ждут, что он хотя бы подмигнет, намекнет... – Уже пора бежать.

Около машины отец, в дождевике вышедший проводить Игоря, под шелест разгоравшегося дождя пробормотал, обняв сына:

– Ты уж поосторожнее...

Игорь кивнул, понимая, что недосказал отец. Речь не столько о войне, ведь Стремнин-младший бывает и на передовой, сколько об атмосфере подозрительности, охватившей сейчас все спецслужбы. Неловко сказанное слово, связи, в том числе и родственные, рабочие моменты, которые легко интерпретировать так, словно ты действуешь в интересах России, – все это может стать фатальным. И не факт, что посадят, а не просто взорвут в подъезде или застрелят на улице. Игорь знал о таких случаях, произошедших с его коллегами. Был на похоронах некоторых из них на Лукьяновском кладбище, куда попасть в качестве покойника теперь затруднительно – погост давно полужакрытый. Но этих похоронили. И все делали вид, что ликвидированы они коварными российскими спецслужбами.

Как сейчас, стояла перед мысленным взором картина – мокрое, залитое осенним дождем кладбище, люди в плащах, некоторые в форменных куртках, и каждый из них опасался посмотреть кому-нибудь из присутствующих в глаза, особенно жене и матери. И запах осени и свежескопанной земли навязчиво преследовал Игоря после тех первых похорон еще несколько дней. Затем случились новые смерти...

Игорь собирался заехать к родителям еще раз Восьмого марта, во вторник. Хоть на Украине и не праздновали, он мать поздравлял. Скорее всего, вечером, раньше Тарасов вряд ли отпустит. Его благодушие и щедрость, когда он послал Игоря съездить в Борщаговку, своего рода взятка, чтобы тот был поговорчивее, общаясь с болгаринном.

Но в последующие дни события стали развиваться довольно резво. Сначала болгарин и работа по пилотам. Затем в зону активного внимания Игоря снова попал араб. Это Игоря отчасти даже порадовало – все же разрядка, а то головы не поднять от информации, обрушившейся по всем каналам. Как шквальный огонь, какой сейчас вели русские, атакуя нацистов местного украинского разлива, безумных в своем раздутом фанатизме, помноженном на садизм в анамнезе. Игорь, как и Руслан, как и Тарасов, ненавидел этих тварей, но лучше было кидать под русский артогонь их и наемников, нежели жертвовать своими людьми, обученными, проверенными временем. Те еще пригодятся, когда русские сметут нечисть в серой зоне, словно радиоактивной, зараженной, залитой кровью и нечистотами. Пригодятся спецы не для войны, быть может, а для сотрудничества, восстановления страны. В глубине души Игорь на это надеялся, но не верил. Слишком уж они погрязли во всем этом. Их сметут вместе с нацистами и сатанистами, которые сейчас правят бал, последний, как на «Титанике». Но все же остались выжившие с затонувшего лайнера...

Желание Игоря контактировать с Гинчевым только через Тарасова не воплотилось в жизнь. Уже на следующий день полковник потребовал, чтобы он подъехал на конспиративную квартиру военной разведки, где они обычно в Киеве встречались с агентами ГУР, действующими за границей, когда тем удавалось выбраться на Украину транзитом через несколько стран, тщательно замата следы.

Через полчаса ожидания туда явился Гинчев, надушенный, как дешевая девица с Броварского проспекта. Ему не хватало для завершения образа, возникшего в воображении раздраженного Игоря, только ярко-розового боа на шею. Манерность могла бы указывать на нетрадиционную ориентацию, однако Игорь успел просмотреть доступную по Гинчеву информацию и разведал, что он женат уже во второй раз, есть дети, а первая жена, во всяком случае, та первая, о которой достоверно известно, – русская, он женился на ней в 1996 году. По-видимому, его таким образом хотели легализовать в России для далеко идущих планов. Он долго жил там,

работал, хорошо зная русский, что, в общем, для болгар, рожденных во времена существования СССР, норма.

Правда, по словам Женьки, бывшего одноклассника Игоря, болгары в основной массе по-русски говорят плохо. Женя несколько лет пробыл в детстве с родителями-дипломатами в Анголе и ходил в школу при посольстве. Там царил интернационал по-советски: чернокожие дети местных бонз, латыши и эстонцы, чехи и болгары. Учились болгары через пень-колоду, на тройки, на уроках коряво, вынужденно изъяснялись по-русски, а на переменах болтали только по-болгарски и держались особняком, с чванливой надменностью, которую в то время Женька по своему малолетству вряд ли смог бы идентифицировать как обыкновенный национализм. В связи с этим речь Гинчева, практически без акцента, несколько удивляла.

Игорь разузнал также, что Гинчев, оказывается, владеет и эстонским языком. Многое бы отдал, чтобы понять, зачем болгарину эстонский язык. Зато, если подразумевать, что он агент или сотрудник английской разведки, работа на восточном направлении, коим являются бывшие союзные республики, объясняет его владение одним из прибалтийских языков.

К таким же выводам, какие сделал Игорь, судя по всему, пришли и в Москве. Контрразведчики в 2016 году выслали Гинчева после его попыток своими псевдожурналистскими расследованиями замести следы работы МИ6 в истории с громким отравлением в Великобритании. Болгарин выявил двух якобы гэрэушников, бродивших по английскому городку и вынашивавших коварные планы. Понятно, что Гинчев только транслировал то, что ему велели вбросить в информационное пространство. И все же...

– Вот видите, – нагло улыбнулся Гинчев, – нам с вами все равно придется общаться, хотите вы того или нет. Я лично хочу, вы мне симпатичны. Вы первый человек, который так откровенно не желает со мной сотрудничать на Украине.

Он взял Игоря за локоть и увлек в гостиную, где посередине стоял большой овальный стол. Над ним висела металлическая круглая лампа на тросиках. «Не хватает только зеленого сукна, – раздраженно подумал Игорь, – как в казино. И облапошат меня сейчас, как в игорном доме». На окнах длинные, до пола, темно-коричневые шторы.

Гинчев вел себя здесь по-хозяйски. «Не первый раз тут, однако». – Игорь сел к столу, сощурившись от слепящего света огромной лампы. Он не торопился комментировать сказанное болгаринном. Ждал.

– У нас с вами одна общая цель, – Гинчев сел напротив, – русские. Причины разные, но идем одной дорогой, товарищ. – Он криво улыбнулся. – Вы, наверное, слишком молоды, чтобы помнить это...

– Правильной дорогой идете, товарищи, – поправил Игорь и посмотрел на часы.

– Ну что же, к делу. – Гинчев согласился, что прелюдия затянулась. – В тех документах, что вы с вашим коллегой получили, нет главного. Сами летчики всего лишь орудие. Завербовывать их – полдела. Ваша задача – заполучить русские самолеты. А моя, как журналиста, продемонстрировать общественности, насколько деморализована российская армия, насколько все их патриотические потуги существуют только на словах, показать отсутствие минимальной осторожности и дисциплины. Это ведь вам нужно, чтобы убедить ваших военных, что русских можно победить, особенно успешно используя диверсии и задействуя активнее инструменты пропаганды, в том числе подрывая изнутри их общество, которое податливо для влияния, любого, кстати, не содержащего порой никакого здравого смысла. Интернет, который мы... который полностью контролируют американцы, англичане, израильтяне, в основном их спецслужбы, уже давно стал полем боя именно между спецслужбами. И только толпы пользователей, коих миллионы, бродят от одного источника живительной влаги к другому, не понимая, что и в том и в другом содержится если не яд, то все что угодно, кроме родниковой воды истины. А так хочется верить, что, читая надпись на заборе, ты узнаешь тайну за семью печатями...

Игорь согласно кивнул. ГУР уже давно использовало этот «забор», вбрасывая дезинформацию через соцсети.

– Допустим, завербовать кого-нибудь из летчиков... – задумчиво произнес Игорь. – Но это не полдела. Это дело. Только хочу вас заверить, я столь наивно не рассчитываю, что летчики охотно пойдут с вами на сделку. – Он хмыкнул и поправился: – С нами. У них все не так плохо, как нам хотелось бы думать. Я-то ситуацию знаю не понаслышке. Разгильдяйства, конечно, везде хватает, но у нас его, пожалуй, больше. Зарплаты у русских военных солидные, жилплощадью они обеспечены. С количеством полетных часов проблем нет, как в девяностые, когда элементарно нечем было заправлять самолеты и вертолеты. Керосина, авиационного бензина не хватало.

– Если бы среди патриотов не было паршивой овцы, а то и небольшой отары, работа разведки захламляла бы на корню. Кто-нибудь да клюнет на миллион долларов вознаграждения, причем оговоренного законодательно. Те «патриотичные герои», которые, вопреки правилам, фотографируются в форме на засекреченных аэродромах, смогут посмотреть на официальном сайте Верховной Рады. Через несколько дней там вывешат соответствующий закон о вознаграждении за предоставление украинцам вражеской военной техники. Миллион долларов! Плюс еще миллион сверху. Плюс...

– А еще набор крышек и моеющее средство абсолютно бесплатно, – подхватил Игорь с той же интонацией.

Гинчев взглянул на него непонимающе, но тут же рассмеялся, догадавшись, что Игорь намекает на бездарную рекламу бесполезных товаров, которые и ломаного гроша не стоят.

– Нет, в самом деле. Не думаю, что гражданство любой европейской страны для всей семьи пилота на выбор – это бесплатный шампунь.

– Весомо. – Игорь прикинул, что и сам не отказался бы от таких условий. «Улететь бы отсюда хоть куда-нибудь, – подумал он с тоской. – Любая ксива. Не слабо!» – Откуда такие суммы?

– Ну тот миллион, что по закону, это из помощи, оказываемой Украине Евросоюзом. Другой – от моего информационного агентства. Так сказать, в качестве большого гонорара за предоставление жареного материала. Очень жареного.

– А паспорта чья спонсорская помощь? – Игорь пододвинул к себе большую хрустальную пепельницу по столу, подумав с усмешкой, что как бывают семейные трусы, так и семейные пепельницы, на роту солдат. Впрочем, он знаком теперь с одним человеком, кому такой размер сосуда для окурков придется впору, – Кабиром Салимом.

– Эти детали вы обсудите с Роджером, – нахмурился Гинчев, открестившись таким образом от МИ6.

Роджер – представитель этой службы. Сотрудничает активно с СБУ и ГУР, вхож в обе организации. А теперь еще и паспортами будет разбрасываться направо-налево, доставать их из рукава, как карточный шулер крапленые карты.

– Вам дадут телефон, с которого вы станете писать сообщения.

– Это излишне уточнять. Не со своего же личного, – пожал плечами Игорь, снова сдерживаясь от грубости: почему болгарашка дает ему, офицеру украинской армии, разведчику, указания?

– Надо форсировать работу. Нужен результат, необходим успех всем нам, чтобы и я мог со своим агентством раскрутить историю по полной. Ну детали имеет смысл обсудить тогда, когда хоть кто-нибудь из списка клюнет на вашу удочку. Я в ближайшие дни отъеду ненадолго в Болгарию, хотя больше всего времени провожу в Австрии и на Украине. Надеюсь, к моему возвращению... Впрочем, я не исключаю, что вам придется подъехать в Софию. Там я смогу вас познакомить с человеком, который может вам пригодиться для работы с летчиками. Пока не знаю как, но у него большие возможности в России. Когда я вынужден был уехать оттуда без

шанса вернуться, Стас стал мне помогать в расследованиях. И не только. Он «пробивальщик». Вы понимаете, что это означает?

Игорь знал таких субчиков, у самого несколько агентов имелось, которые узнавали информацию про конкретных людей в России, задействуя соцсети и коррумпированных полицейских, нередко сдававших установочные данные на фээсбэшников.

Дистанционная вербовка! Игорь недоумевал. Это что, новое слово в разведке, когда не видишь объект, невозможно устроить ему банальную медовую ловушку, напоить, чтобы дискредитировать, нельзя проконтролировать его самого и его окружение? Куда объект пойдет, после того как получит сообщение от украинской разведки? Что, если напрямую в ФСБ?

Изначально планировалось сделать ставку в вербовке на «искренность». То есть она вроде бы искренность, но чрезвычайно дозированная, настолько, насколько это обусловлено оперативной необходимостью. Из разговора с Тарасовым, перед поездкой на конспиративную квартиру и встречей с Гинчевым, стало ясно – в диалоге, который требовалось завязать через соцсети с летчиками, нужно будет убедить их в достоверности предложения о сотрудничестве, а для этого придется признаться, к каким службам и какого государства принадлежишь, иначе все теряет смысл. Где конспирация – основа основ спецслужб?

А главное, подставляться должны Игорь и Руслан, рисковать погонями и собственной судьбой. Пойдет что не так, и с должности полетят, да еще и посадят. Получится, достижения присвоит себе Тарасов, не получится – припишут пособничество врагам. И тогда Лукьяновское кладбище...

Сейчас каждый за себя, и надеяться на прежнюю честность и хорошее отношение к нему Тарасова Игорь не хотел. Но выбора не оставалось. Полковник убеждает, что Руслан и Игорь самые толковые, и именно поэтому навязывает им участие в проведении данной спецоперации. «Может, решил подставить? – гадал Игорь. – Откажусь, можно вылететь со службы уже сейчас, и тогда прямая дорога на передовую. За границу уехать в случае увольнения, конечно, удастся, подключу старые связи, достану деньги из заглашника для взятки. Только что там делать в качестве беженца с сыном? Мать с отцом наверняка не поедут. Уж лучше рискнуть с потугами в вербовке пилотов».

Перспектива поездки в Болгарию сейчас, во время войны, вызвала у Игоря щемящую тоску по былым временам, когда они ездили туда всей семьей, и это несколько смягчило его по отношению к Гинчеву, во всяком случае внешне.

* * *

Как и ожидал Игорь, канули в пустоту первые рассылки посланий на адреса страничек предполагаемых пилотов, вычисленные айтишниками ГУР. Кроме фотографий в форме на фоне самолетов, номеров мобильных телефонов и установленных специалистами локаций, указывающих на их периодическое местонахождение на территории известных ГУР военных аэродромов, ничего более конкретного. Эти люди могут быть техниками, охранять КПП или расчищать взлетно-посадочную полосу.

Большинство из тех, кому написал, просто-напросто не ответили. «Стреляю в молоко, – думал Игорь, отправляя очередное сообщение из кафе «Буланжери», находящееся на Ярославовом Валу, куда заехал перекусить и встретиться с куратором ГУР из военной контрразведки СБУ майором Собко.

Уже давно Игорь взял его в оборот, провернув одно мероприятие. Пригодилась красавица-молдаванка Аурика, которую за хорошую сумму он уже использовал не однажды, в том числе и в Молдавии, и в Румынии. «Сто попаданий из ста», – как он шутил про нее.

Женатый Собко клюнул, а затем без особого сожаления согласился периодически оказывать Игорю Стремнину некоторые информационные услуги. Игорь не требовал делать это бес-

платно. Он повел себя с любвеобильным Собко вполне человеколюбиво. Информацией обменивались баш на баш к обоюдному удовлетворению. Правда, Игорь ограничивался общими сведениями или сливал неприглядный компромат на тех коллег, кто ему был не симпатичен, и откровенно вредил работе. От Собко требовал большего.

Встреча в кафе не повредила бы ни тому, ни другому, дойди каким-то образом до начальства факт этого randevu. Инициатором мог быть как один, так и другой. Разве что на Игоря стали бы коситься, дескать, стукач.

Игорь пил кофе, крошил на тарелке булочку с изюмом. Изюм он терпеть не мог и методично выковыривал, выкладывая из него на тарелке знак вопроса. Сидящий напротив Собко двигал смоляными, сросшимися на переносице бровями, пытаясь реанимировать тот участок памяти, где хранилось воспоминание о болгарине, о котором спросил его Игорь. Смуглому, чернобровому красавчику Собко не хватало только вышиванки, чтобы соответствовать плакатному образу национального персонажа.

– Гинчев, Гинчев, – пробормотал он, достал пухлую записную книжку в синем переплете и полистал. – Лично я с ним не пересекался. Но в поле моего зрения он попадал.

Собко обладал удобной для Игоря привычкой. Все, что «попадало в его поле зрения», оказывалось в заветной записной книжке, а затем переключивалось в устном изложении в уши разведчика.

В кафе Игорь узнал киевский адрес Гинчева, что живет тот по соседству с сотрудником резидентуры МИБ и довольно часто сживает с ним в ресторанах Киева, не заморачиваясь по поводу конспирации. Хотя и за установленным разведчиком никто даже не пытался вести наблюдение.

– Тогда откуда дровишки? – узнав про отсутствие наружки, уточнил Игорь, опасаясь, что его кормят домыслами.

– Кулуарные разговоры, – уклонился от прямого ответа Собко. – Ты же понимаешь, что сейчас происходит. Американский отдел работает не по американцам, а фактически с ними. Таким же образом действуют и наши «англичане». Резиденты ходят в контору, как к себе домой. Болгарин наверняка один из них, только маскируется под журналиста. – Собко помялся, не решаясь спросить, но все же не удержался: – Аурика в Киеве?

«Почему Гинчев приперся на Рыбальский, не слишком скрываясь, а затем вдруг попросил у Тарасова встречу на конспиративной квартире, чтобы якобы не светить свою смазливую физиономию? Что изменилось? Ведь открыто разгуливает по Киеву с Роджером под ручку», – размышлял Игорь, переписывая адрес болгарина в свою записную книжку.

– Тебе придется поднапрячься, – довольно требовательно сказал он, с неохотой возвращая Собко его синюю записную книжку (он бы с удовольствием прочитал ее целиком). – Пошурши извилинами и связями. Хорошо бы узнать про болгарина чуть больше. Не люблю, когда меня держат за горло в одностороннем порядке. Только без шума и бумажных следов, указывающих на твои изыскания в отношении него. Тебя ведь не надо учить. Прояви контрразведывательную смекалку. А я, в свою очередь, тебе организую встречу с Аурикой.

– Заодно держи меня в курсе своих поездок на Яворовский полигон, – проявил осведомленность Собко и, наткнувшись на холодный взгляд Игоря, виновато развел руками: – Ну должен же я о чем-то писать в отчетах.

– Сейчас буду ездить туда реже, – «утешил» Игорь погрузневшего Собко.

Как сглазил... Едва вышел из кафе, зазвонил телефон. Взволнованный Тарасов раздраженно изрыгнул:

– Ты где шастаешь?! У нас ЧП!

– Через полчаса буду, – не стал нервировать шефа расспросами Игорь.

* * *

– Первое. – Тарасов мерил шагами свой кабинет с большим украинским флагом, распятым с помощью медных гвоздиков на оштукатуренной стене за начальственным креслом с высокой спинкой. Игорь стоял у стола для совещаний, не решаясь сесть. Не предложили. – Первое, – повторил полковник, – на полигоне ЧП. Убили полячку-снайпершу. Там нехорошая история. Похоже, твой араб в ней тоже замешан. Драка какая-то была. Поезжай разберись.

– Не знал, что разведка работает как уголовный розыск. А второе? – напомнил Игорь, увидев, как зло на него зыркнул полковник.

– Второе. Послал я к арабу Волынца, а твой араб... послал Волынца. Далеко и надолго. Категорически отказался с ним взаимодействовать. В общем, принимай араба обратно. Ты же так хотел.

– А все-таки насчет первого пункта? – не унимался Игорь, скрыв торжество по поводу возобновления работы с Кабиром. – Нам какое дело из-за смерти полячки? Или моего араба обвиняют?

– У меня сведения, что он спровоцировал нескольких наемников напасть на нее. Как несложно догадаться, убийством не ограничились. Перед этим они ее... – Тарасов махнул рукой. – В общем, история грязная во всех смыслах.

– Ну и пускай военная прокуратура разбирается.

– Включи ты мозги! – разозлился Тарасов. – Если у меня есть сведения о причастности араба, то и у прокуратуры они могут появиться тоже. Тогда мы потеряем агента. Тебе надо приехать туда побыстрее. Насколько мне известно, на полигон направили следователей из Киева. Посчитали, что это дело не регионального уровня. Так что стартовать вы будете почти одновременно. Самолеты не летают, с поездами тоже много проблем. Они наверняка поедут на машине, как и ты. Желательно их опередить. Ориентируйся там по ситуации. Может, лучше его вовсе вывезти с полигона на какое-то время?

– Только на конспиративную квартиру. – Игорь потер лоб. – Неужели вы полагаете, что кто-то всерьез станет расследовать это дело? Какие полномочия имеет военная прокуратура по отношению к иностранным наемникам? Почти уверен – никаких. Их расследование – формальность, чтобы отправить цинк с полячкой в Варшаву с мутной сопроводилкой. А еще вероятнее, что отпишутся, дескать, погибла при исполнении воинского долга или что-то в этом роде.

– Не исключаю, – согласился Тарасов. – Но пускать дело на самотек нельзя.

Местный контрразведчик – старый знакомый Игоря, увидев его около здания штаба, замахал ему руками так, словно спасение близко. Игорь сдержал улыбку. Не хотел бы он оказаться на месте эсбэушника. Такое происшествие в его «дежурство». Ему бы скорее сбыть труп с рук, но, как он сообщил Игорю, следователь из Генпрокуратуры и эксперты придут только к вечеру. Велели ничего не трогать, а он стал крайним и вроде как ответственным за то, чтобы сохранить неприкосновенным место преступления. Полицию и не думал вызывать. Сразу сообщил о ЧП в Киев. Получил указания встретить и оказать содействие.

– Мое дело – контрразведка, а не следить за моральным обликом здешних аборигенов! Да и какая сейчас контрразведка. – Он скептически скривился, ожидая понимания от военного разведчика. Не дождался. Игорь не слишком доверял этому парню. А то поулыбаешься, похихмишь с контрразведчиком, а потом тебя вызовут на Владимирскую, и выйдешь ли оттуда самостоятельно или с аксессуаром в виде мешка на голове, бабушка надвое сказала. – А ты какими судьбами? – с подозрением прищурился эсбэушник. – Слетелись вороны? Тут вроде бы не по вашей части. Или эта девушка твоей была?

Игорь покачал головой.

– Впервые от тебя про убийство слышу. – Он равнодушно пожал плечами. – А что за баба? Сама, небось, напросилась. Лезут сюда все кому не лень! Искательница приключений. – Игорь добавил витиеватую и нецензурную фразу, намекая на принадлежность девушки к одной из древнейших профессий.

– Не скажи, она самый лучший снайпер из всех, кто тут был.

– Откуда ты знаешь? Ты что, участвовал в учебном процессе? – поддел его Игорь. – Твое дело – контрразведка, а не проверка стрелковых навыков девиц. Или это была твоя девушка? – Он сделал акцент на слове «твоя».

– Иди ты! Ты бы ее видел. Она так-то страшненькая была. Как мужик. А теперь еще хлеще... Брр! – он передернул плечами. – Хочешь посмотреть? Зрелище не для слабонервных. Кстати, ее инструктор – араб Кабир Салим. Он ее натаскивал и неплохо справился. До него она таких успехов не делала. Ты ведь его знаешь? Мутный тип.

– Они все тут мутные. Где ее обнаружили? – Игорь пошел за эсбэушником в штаб, проявляя умеренное любопытство и проигнорировав намеки по поводу араба.

Почти сразу у входа, около лестницы, ведущей наверх, Игорь заметил тело, накрытое брезентом. Эсбэушник, рассказывая, что ее нашли недалеко от казармы, под елками, приподнял брезент, стараясь не смотреть на распластанное тело. Он уже видел и больше не хотел.

В тусклом освещении, проникавшем от двери и сверху, с лестницы, удалось разглядеть труп только фрагментарно из-за светотени. Лишь белую ногу, кровь на размозженном лице и растрепанные волосы. Жалости не возникло. Он видел ее живой и даже разговаривал с ней. Наглая, надменная девица... была. И смерть ее, по-видимому, оказалась страшной. Она сама несла смерть, и смерть унесла теперь ее.

Игорь вышел из штаба с ощущением тошноты. Ночь не спал – за рулем, да еще вид растерзанной снайперши, словно ее бешеные собаки разорвали, не прибавил бодрости и оптимизма. «Да, по сути так и есть, собаки», – подумал Игорь, доставая мобильный и проверяя сообщения. Все по-прежнему, ответов нет. Молчание.

Он отправил вчера текст, утвержденный Тарасовым и написанный, кажется, самим болгарин или, быть может, Роджером. Причем Руслан посылал другие сообщения (он, посмеиваясь, продемонстрировал их Игорю). Руслан выступал в качестве своего рода провокатора. Игорь же оставался довольно деликатным и даже интеллигентным, если судить по интонации писем. Однако все тексты, адресованные вероятным пилотам, выглядели так, словно сочинял их иностранец, неплохо знающий русский язык, но все-таки иностранец. Не украинец, не белорус, не тот, кто жил в едином языковом пространстве в Союзе. Править тексты Тарасов не разрешил.

«Ну и писали бы сами, болгарин и Тарасов, – думал разозленный Игорь. – Подставляют нас. Ну хотя бы мое сообщение не напоминает дешевые рекламные предложения, оно весьма недешевое».

«Андрей, здравствуйте. К вам есть, как к пилоту, очень важная и интересная задача, за которую вы можете получить 500 000 \$. Конфиденциальность гарантирую. Свяжитесь со мной для дальнейшего обсуждения, заранее благодарен. Можем вести диалог и по почте».

...Игорь набрал сообщение арабу и с облегчением уехал с полигона в Старичи, где и дождался приезда Кабира. Пока ждал, сидя на подоконнике на кухне и попыхивая сигареткой, никак не мог избавиться от недавно увиденного зрелища. «Лучший снайпер, – думал он. – Со слов эсбэушника, она должна была отправиться на фронт через два дня. Ему бы, как контрразведчику, поразмышлять о том, не диверсия ли это убийство? Тогда на полигоне окопался умело действующий русский агент. А может, и не один...»

От этих умозаключений Игорь поперхнулся дымом. Догадка ему крайне не понравилась. О своих подозрениях он решил пока не докладывать Тарасову. В конце концов, это зона ответственности СБУ.

Пришедший Кабир показался бледным и чуть взволнованным. Он скинул камуфлированную куртку в коридоре и сразу же закурил.

– Еле вырвался. Там переполох. – Он показал большим пальцем себе за плечо, будто отсюда можно было увидеть желтые казармы Яворовского полигона. – Ты, небось, в курсе? Ждут прокурорских. Замочили снайпершу. Теперь станут всех трясти. Кто да что... Записей с камер нет, как ты понимаешь. Да и кто посмеет англичан тронуть?

– Англичан? – Игорь включил электрический чайник.

– Их работа, – кивнул араб, завладев пепельницей и водрузив ее перед собой на стол. – Видел я, как они возвращались после. На рассвете шли крадучись вдоль казармы. Да, собственно, их гогот и ее крики слышали все. Полночи развлекались, прежде чем шайтан ими завладел окончательно. Тогда они ее убили и изуродовали. Остановиться не могли – так их перло от наркоты.

– А меня информировали, что ты тоже каким-то боком причастен. – Игорь сел напротив и попытался поглядеть в глаза Кабира. Но сам же первый и отвернулся. Слишком тяжелый взгляд, холодный и непроницаемый.

– Ага, я так и знал, что меня притянут. Если я был ее инструктором, это ничего не значит!

– Допустим. Но я бы тебя понял. Долго без баб... Только не говори, что ты мусульманин и все такое.

– Она как мужик была, – поморщился Кабир. – С такой даже в темноте страшно.

Игорь рассмеялся и тут же помрачнел, вспомнив, что видел в пятнах светотени под лестницей.

– А что за фортель ты выкинул со своим новым куратором?

– Он болван! Если уж я ввязался с вами в работу, так хоть адекватного человека прислали бы.

– Ладно, – отмахнулся Игорь. – И все-таки... Что там со снайпершей? Если прокуратура докопается до твоей причастности к делу, нам порушат все планы. Мне нужны козыри на руках, чтобы тебя отмазать в случае чего. А для этого я должен понимать, что же вчера произошло.

Кабир скрылся в облаке табачного дыма и, как показалось Игорю, посмеивался.

– Не волнуйся, хабиби, никаких показаний никто против меня не даст. Я не при делах. Твой осведомитель что-то напутал.

– Хм, – сказал разведчик, подумав, что с «осведомителем», как назвал его Кабир, в самом деле стоит подробно поговорить, а не полагаться только на слова Тарасова. – Тогда к делу. Есть у тебя люди в Крыму? На юге России?

– И не только. У нас сеть довольно разветвленная. На Кавказе, в Татарстане. – Кабир сам налил себе чаю, положив в чашку сразу три пакетика с заваркой. Не вынимал их, пока кипяток не почернел. Стал быстро пить, не обжигаясь. Когда он поднял левую руку с чашкой, камуфляж натянулся у него на плече и сквозь ткань проступила кровь. – Только сложно будет с ними встретиться, минуя их кураторов в Сирии.

– Погоди, что у тебя с рукой? – Игорь указал на плечо араба.

– Рана открылась. – Кабир потер локоть пониже пятна на камуфляже и поморщился.

– Надо перевязать... – Игорь поискал в кухонном шкафу аптечку. – Снимай куртку.

– Да ну! – Кабир не торопился разоблачаться, вызвав еще большие подозрения.

Игорь помнил про шрамы на его плече, но те не были свежими. С чего им открываться? Где и когда он получил травму, которая может так кровоточить? Не имеет ли это отношение к вчерашнему убийству?

– Давай-давай! Ты же не девица.

Разведчик увидел, что в самом деле открылся один из двух уродливых шрамов. Однако вокруг него был такой откровенный синяк, черно-синий, что стало ясно – драка, о которой упоминал Тарасов, имела место, и араб в ней принимал активное участие. Но связана ли потасовка с убийством полячки?

– Сама рана открылась? – поинтересовался Игорь.

Кабир отмолчался, позволив перевязать себе руку.

– У тебя нет с ними прямой связи? – Он убедился, что добиваться ответа, тем более правдивого, по поводу драки бесполезно, и вернулся к рабочим вопросам.

– Я свяжусь с моими людьми в Сирии, а они выведут на «спящих» боевиков. Те работают на ДАИШ, но за деньги станут выполнять задания от любого хозяина. Однако, если они провалятся, ДАИШ в их лице потеряет свои многолетние наработки в России и на меня откроют охоту. Тогда мне не поздоровится. Но, как я уже говорил, все решают деньги.

Кабир надел куртку.

– Драка была, – признал он вдруг неохотно. – Но это не связано со снайпершей. Зашел разговор про Ирак. Тема для меня больная. Они торчали в провинциях Басра и Ди-Кар на чужой земле много лет, а уже в 2014 году их самолеты прилетали нас бомбить с авиабазы Акротирис с Кипра и из Катара из Аль-Удейда. Сначала они убивали и насиловали мой народ, детей и женщин, называя всех террористами и прихвостнями Саддама, затем бомбили север Ирака и уже моих товарищей по оружию – даишевцев в Мосуле. – После слов «товарищей по оружию» он хмыкнул. – А я люблю свою родину. В общем, слово за слово... Я человек нервный, отравленный никотином и свинцом. – Он указал на свое плечо. – А кто такие даишевы? В большинстве своем те же бывшие иракские офицеры. Англичане всегда ненавидели арабов. Да к кому они вообще хорошо относятся! Их устраивало, когда они нас использовали во времена протектората, да и раньше. Что из ценностей не вывезли в начале прошлого века, добрали теперь из музеев и с археологических раскопок.

– Твои игиловцы занимались тем же и в Ираке, и в Сирии, – не преминул напомнить Игорь, подивившись, как хитер и изворотлив этот парень. Подумал, что камнем преткновения для Генпрокуратуры может стать его драка с англичанами незадолго до убийства. Именно из-за нее притянут к делу. И ведь как соскакивает, какую историко-политическую базу подводит. Но Игорь недооценил смекалку Кабира. Тот и не думал оправдываться.

– Пару англичан я что-то сломал, но это им не помешало потом взяться за Чеславу. – Увидев недоумение на лице Игоря, он уточнил: – Так полячку звали. Я же ее инструктором был. Но это я к чему начал рассказывать, – Кабир потер смуглый лоб с более светлой кожей у кромки волос, наверное, от ношения гутры. Игорь легко мог представить его себе в гутре и длинной арабской дишдаше. – Я считаю, что неплохо бы здесь, на базе полигона и не только, создавать исламские батальоны. У вас на Украине хватает мусульман. Я мог бы подобрать командиров из опытных даишевцев. Если им хорошо заплатить, они с удовольствием приедут.

«Кто бы сомневался!» – подумал Игорь, прищурившись от табачного дыма и обдумывая, насколько хороша идея, насколько она реальна и перспективна и как бы с этого получить дивиденды. Стоит ли с ней обратиться к Тарасову или к военным? Но он никому не доверял. Идею лучше не выпускать из рук. Игорь понимал, что множество игиловцев на квадратный метр чернозема – это чревато, причем не только для врага, но и для украинцев. Однако есть ли иной способ бороться с Россией? Пусть будут головорезы, пусть будут ненавистные поляки. И другие. Раз уж заварили кашу, теперь надо в нее подбрасывать дрова. А что касается поляков...

Бывший одноклассник Игоря, с которым случайно встретился на Крещатике и зашел в кафе выпить по рюмке, рассказывал, что ездит на заработки в Польшу. «Там с нами эти панове обращаются как с рабами. Надменные, злые. Бабы у них еще агрессивнее, чем мужики. Не дай бог там заболеть. Хоть сдохни, никто не вызовет врача, не потратится на лекарства и уж тем более не заплатит, пока не окончится сезон работ».

– Надо обдумать. – Игорь налил чаю и себе. – А ты хочешь быть на коне?

– А где вы иначе добудете полевых командиров из ДАИШ? – надменно выставил вперед подбородок Кабир. – НАТО вам их с гуманитарной помощью не пришлет, хотя, конечно, с ними у их спецслужб контакты есть. Но я смогу вам их добыть с гарантией. Большинство из них лично знаю.

– Надо обдумать, – повторил разведчик.

– Посоветоваться с руководством... – подхватил Кабир издевательски понимающе.

– А что, у арабов тоже так? – Игорь не остался в долгу. – Я сейчас вернусь на полигон. Ты там появишься часа через два, не раньше. Погуляй пока. Туда вот-вот прибудет группа из Генпрокуратуры. Если после моего отъезда тебя начнут прессовать, пришлешь мне сообщение. В самом крайнем случае скажешь им мой номер телефона. Эти англичане не дадут против тебя показания?

– Показания о чем? – хмуро глядел исподлобья араб, сердито перекатывая сигарету из одного уголка рта в другой. – Я спал в казарме, когда все это происходило. У меня десятка два свидетелей.

– Спящих? – улыбнулся Игорь.

– Двое из них пили пиво и шастали в нужник мимо моей комнаты, голландцы Зеф и Рууд. Дверь в мои апартаменты с петель снесли во время драки, поэтому все видели меня спящим. Пытающимся заснуть. Другой песни орал – француз Поль, я пару раз выходил, но он заткнулся, только когда я пообещал вырвать ему связки и намотать их на... Ну, не важно.

* * *

Игорь разговаривал с агентом в каптерке за стеллажами с амуницией. Даже если бы кто-нибудь зашел внезапно, сразу бы их не заметили.

– Он с ней разговаривал по-польски. Араб! – негромко, свистящим шепотом рассказывал агент. – Своими ушами слышал. Вообще, мне кажется, она была его любовницей.

– Когда кажется, креститься надо. О чем они по-польски говорили? – Игорь чувствовал исходящий от агента запах перегара и понимал, что вчера тот, скорее всего,пил, как и англичане или вместе с ними, если стал свидетелем драки. Достоверны ли его слова? Может, ему привиделся в пьяном сне разговор араба, болтающего по-польски, как Лех Валенса или кто-нибудь в этом роде?

– Я мельком слышал. Они наедине разговаривали в коридоре. Смеялись. Я не знаю польского. Затем он начал подзадоривать англичан. Что-то говорил про операцию американцев в Ираке. Я не все понял. Араб сперва ругался, а после принялся бить самого здорового. Причем он, видимо, владеет каким-то видом восточных единоборств. Так машет ногами, я тебе скажу! Я думал, он ему голову ботинком снесет, словно футбольный мяч. Как у балерины растяжка.

– О том, что мне сейчас рассказал, никому не говори, кто бы ни расспрашивал. Кроме англичан там были наемники?

– Никто больше не лез. Все отсиживались по своим углам. С англичанами не хотят связываться.

– Кто же их разнимал?

Игорь почувствовал тоску, стоя в каптерке рядом с агентом, страдающим похмельем и пофигизмом ко всему, что не касается денег. «Чем я вообще тут занимаюсь? Я же не следователь». Но он опасался за Кабира, не вовремя начавшего нападать на англичан. Вопрос в том, какие связи англичане задействуют, чтобы отмазаться, и не захотят ли они выбрать крайним араба? Тот, правда, утверждал, что у него есть алиби.

– Разнимал? – сдавленно засмеялся агент. – Не пришлось. Он всем навешал и, перешагнув через распластанные тела, пошел спать.

– Дальше, что было дальше? – поторопил Игорь.

– Они оклемались, выпили еще бутылку джина и занялись полячкой. Результат ты видел в коридоре под лестницей.

– Ты где находился?

– Свалил следом за арабом. При разделке снайперши не присутствовал.

Игорь вышел из каптерки и закурил, быстро зашагал по коридору мимо окон. Лампы тут не горели, он переходил из тени в свет, из тени в свет, и за ним летел сигаретный дым, становясь в тени прозрачно-серым, а при свете превращаясь почти в плотную субстанцию.

На выходе из казармы его схватил за локоть эсбэушник:

– Слушай, ты тут полдня вьешься. Чего нанюхал?

– Прокурорские приехали? – проигнорировал его вопрос Игорь. – Ты лучше узнай, чего англичане эти нанюхались? Мне уж во все уши про них нашуршали. Сперва бухали, как в последний раз, потом сцепились с арабом, но тот не растерялся и им наваял, благо они были ослаблены алкоголем и наркотой. И как только они очухались от нокаута, взялись за полячку.

– А где был араб? – заинтересовался контрразведчик.

– Спал сном праведника. Спросить можешь у голландцев Зефа и Рууда и у француза Поля. На твоём месте англичан я бы отсюда убрал, пока они еще бед не наделали. А труп лучше отправить в Польшу малой скоростью. У нас война, всякое бывает.

– Поучи ученого, – проворчал эсбэушник.

Однако, как через несколько дней стало известно Тарасову от агента, «прокурорские не нашли криминала». Часть англичан вовсе уехала из страны, часть отправилась на фронт, наконец решив отработать деньги, которые уже легли на их счета в Великобритании. Прислушался все-таки эсбэушник. Ему было выгодно, чтобы на подконтрольном объекте все уладилось миром. «С какой сопроводительной полячку отправили восвояси – история умалчивает», – подмигнул, рассказывая, Тарасов.

И снова дорога в Киев с долгими остановками на переездах и пяточкой Богородицы, качающейся под зеркалом заднего вида, с золотыми тесемками, поблескивающими в слабом свете от приборной панели.

На полпути к дому телефон, полученный для переписки с пилотами, вдруг пискнул нервно, выведя Игоря из глубокой задумчивости. Покосившись на пассажирское сиденье, где лежал телефон, Игорь сперва закурил, опасаясь, что в пришедшем сообщении его послали подальше. Но и это зацепка. Лишь бы ответили, лишь бы завязать диалог. Тогда появится шанс.

«Вы кто??? Откуда узнали мое имя и номер?» – светилось возмущенно-удивленное на экране мобильного.

Игорь съехал на обочину, включив аварийку. Он не считал возможным задерживаться с ответом. Начал издали, но с проникновенностью человека понимающего:

«Меня зовут Юрий. У меня к вам важное и стоящее предложение. Надеюсь, вы отнесетесь к нему со всей серьезностью. Это и в ваших интересах. Идет война между двумя братскими странами, война без видимой причины, лишь политика. Но вас, как пилотов, используют как инструмент. Вам говорят, что удары только по военным целям, но это вовсе не так.

Нам необходимы боевые вертолеты или самолеты. Если бы нашелся человек, способный доставить нам хотя бы один самолет, так сказать, боевую единицу, мы заплатим очень достойный гонорар. Хватит на всю дальнейшую жизнь. При том полные гарантии безопасности и конфиденциальности. Безопасности не только для вас, но и для вашей семьи. Готов обсудить с вами все ваши условия. Буду благодарен за ответ, каким бы он ни был».

Несколько минут Игорь сидел, уставившись на лобовое стекло, за которым сырая мартовская ночь и расплывчатый, как кляксы, свет фонарей железнодорожного переезда – желтый, белый, зеленый и злой красный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.